

Владимир Свержин

Анонимное общество
любителей морских купаний

Владимир Сержин

**Анонимное общество
любителей морских купаний**

ООО "Эвербук"

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Свержин В. И.

Анонимное общество любителей морских купаний /
В. И. Свержин — ООО "Эвербук", 2020

ISBN 978-5-00-580402-0

«Анонимное общество любителей морских купаний» — последняя крупная работа Владимира Свержина. Действие остросюжетного детектива разворачивается во времена «Прекрасной эпохи» — в княжестве Монако конца XIX века, и переносит читателя в атмосферу шикарных залов казино, драгоценностей, аферистов и роскошных женщин.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-00-580402-0

© Свержин В. И., 2020
© ООО "Эвербук", 2020

Содержание

Дело первое «Брачный антракт»	6
Дело второе. Любовь Клеопатры	19
Дело третье. Русалка	34
Дело четвертое. Новые странствия Золотого руна	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Свержин
Анонимное общество
любителей морских купаний

© T8 RUGRAM, оформление, 2020

© StorySide, 2020

* * *

Дело первое «Брачный антракт»

Горизонт едва начал алеть в предчувствии рассвета – то самое время, когда обнаженное солнце, не кутаясь больше в пышное боа облаков, величественно поднимется из воды. Мужчина стоял, заложив руки за спину. Волны у его ног, распускаясь гроздьями пены, разбивались о пирс. Мачты прогулочных яхт покачивались, убаюкивали, и он долго не мог отвести от них зачарованного взгляда.

«А ведь где-то там, – с горечью думал он, глядя на алую кайму небосвода, – на востоке, живут шейхи, которым некуда девать сокровища! Они украшают золотыми оголовьями слонов и ожерельями – верблюдов, щедро осыпая их рубинами и изумрудами. А тут...»

Дыхание перехватывало, стоило вспомнить ликующее выражение лиц местного карточного бомонда в миг, когда его противник с глумливой усмешкой одного за другим выложил на стол четыре туза. Что ж, есть чем гордиться! Спустить полтора миллиона франков за одну ночь – такой рекорд во всем здешнем княжестве вряд ли скоро сумеют побить. Одна беда – все, что было в активе наличными, драгоценности, которые можно было заложить, едва составило половину суммы проигрыша. Остальное он, презрительно скривив губы, пообещал доставить утром. Уже тогда он понимал, что для него утро никогда не наступит – взяться таким огромным деньгам неоткуда, а значит – конец. Позор, долговая тюрьма, высылка на родину, Сибирь...

Он вытащил из кармана револьвер, привычным движением взвел курок... Выходит, так. В утренней тишине сухой щелчок прозвучал неожиданно громко. Сердце возбужденно билось в стремлении достучаться до разума игрока, потерпевшего крах, и побудить его немедленно оставить дурацкие шутки с оружием.

«Интересно, – внезапно подумалось ему, – должно быть, мозг, предчувствуя несовместимую с жизнью дозу свинца, пытается выгадать хотя бы несколько мгновений... Что об этом происшествии напишут в утренних газетах? Что-нибудь вроде: „На яхтенном пирсе с простреленной головой был найден известный владелец крупного состояния, граф Владимир Тарло, российский подданный, бывший адъютант великого князя Николая Николаевича – старшего...“ Пославший к чертям службу царю и отечеству поручик лейб-гвардии уланского полка. Игрок, авантюрист, дезертир...»

Хоть кто-нибудь помянет добрым словом?

Он не успел до конца вообразить скорбные строки некролога: за его спиной послышались тяжелые шаги. Владимир досадливо оглянулся. Вдоль по пирсу в его сторону двигались двое: опиравшаяся на толстую палку дама средних лет, фигура которой могла бы загородить ворота небольшого замка, и ее спутник – крепкий здоровяк с округлым, простецким, гладко выбритым лицом. «По виду богатая вдовушка, хозяйка молочной фермы из Нормандии, приехала развеяться с молодым дружком... – мельком оглядев их, досадливо скривился граф. – Принесло же их в такую рань! Впрочем, понятно, глыба привыкла к рассветным сельским радостям, вроде утренней дойки. Противно-то как! Последние минуты жизни, разноцветные картины минувшего, будто эскадрон на галопе, вот-вот должны пронестись перед глазами, и вдруг на тебе – эта нелепая парочка!»

Он повернулся, снял курок со взвода, скрестил руки на груди и принялся вновь разглядывать мачты, колеблющиеся в предутренней туманной зыби.

– Славный револьвер! – раздался за его спиной насмешливый женский голос. – Андре, будь добр, заведи у его сиятельства оружие. Месье, убедительно прошу вас, отдайте наган! Зачем вам лишняя дыра в голове?

Граф брезгливо поморщился. Трагическая ситуация была мерзко опошлена, смята и выброшена, как грязная салфетка.

– Ступайте к чертовой матери! – зло проговорил он. – Какое вам дело...

Однако продолжить заготовленную тираду не успел, – запястье его оказалось сжато, будто тисками. Здоровяк ухватил револьвер за ствол и вывернул оружие, едва не сломав графу сиятельный палец. Тарло взвыл от резкой боли.

В памяти вспыхнула картина трехлетней давности: респектабельная «мельница» на Муринском проспекте; канделябры с благоухающими восковыми свечами; столы, засыпанные купюрами; карты на зеленом сукне, карты на полу... И толпа городских, обалдело вззирающих на сиятельную публику игорного притона. Жандармский чин, тянущий к нему руки; резкий толчок, звон разбитого оконного стекла и полуночный бег по крышам под заливистые трели полицейских свистков... Нет, эти не могли найти его здесь! Тогда это люди Абдурахман-паши? А, все равно! В эту игру можно играть вдвоем!

Граф согнулся пополам, тихо подвывая и держась за поврежденную руку. Затем вдруг скользнул вперед, прошел в ноги здоровяку, подхватил его под колени и жестко толкнул плечом в живот. Не ожидая такой резвости от утонченного аристократа, дружок толстухи, взмахнув руками, шлепнулся на пирс. Револьвер вылетел из его руки и с тихим плеском исчез под водой. «Обидно, – мелькнуло в голове бывшего лейб-улана, – все же подарок великого князя Николая Николаевича за призовую стрельбу...»

Он чуть замешкался, глядя на расходящиеся по воде круги, точно пытаясь на всякий случай запомнить место падения, как вдруг мощный удар тростью подсек его ноги. Следующий удар пришелся аккурат между лопаток, не давая подняться. Сцепив зубы, граф резко повернулся, намереваясь дорого продать то, с чем мгновение назад собирался распрощаться за ненадобностью.

– Кто вы такие, черт побери?!

Широкоплечая дама в кокетливой шляпке с перьями и в грубых тупоносых ботах, едва заметных под широкой темно-зеленой юбкой, пристально смотрела на него сверху вниз, будто оценивая, достаточно ли созрел ее визави для серьезного разговора. В руке у нее красовалась увесистая трость, из тех, которыми почтальоны отгоняют злых собак.

Тарло тряхнул головой, оглядывая толстуху. Теперь она вовсе не казалась ему отмытой от навоза фермершей. Спутница Андре была персоной по-своему замечательной. Когда бы здешний принц решил набрать женский экипаж для своего будущего флота, дудку боцмана вручили бы ей без малейших колебаний. То, что граф опрометчиво принял за дородность, скрывало незаурядную физическую силу.

Ему живо вспомнилась мадам Юкка, выступавшая в Санкт-Петербурге во время гастролей знаменитого цирка Барнума. Как гласила реклама: «элегантная спортсменка с силой и энергией Самсона». Сначала она жонглировала пушечными ядрами, затем усадила трех добровольцев из публики к себе на плечи и шею и принялась танцевать вальс с неповторимой грацией афишной тумбы. Пожалуй, нынешняя незнакомка была несколько крупнее мадам Юкки...

– Вставай, Андре, – властно потребовала она. – Найдешь другое время поваляться у моря. И вы, граф, вставайте. Оставим баловство с оружием и упражнения во французской борьбе. Перейдем к делу.

– Это Абдурахман-паша вас приставил следить за мной? – отползая к краю пирса, сквозь зубы процедил граф Тарло.

– Ну и угодили пальцем в небо. – Дама в шляпке ткнула увесистой тростью в направлении светлеющего горизонта. – И, как я погляжу, несколько повредили палец. Меня зовут Мари Ле Блан. Остальное вы узнаете по дороге. Потрудитесь следовать за мной.

– Это еще зачем?

– Для человека, который минуту назад собирался вышибить себе мозги, вы чересчур осторожны.

– Никуда я с вами не поеду!

Мадам Ле Блан пожала плечами:

– Видите ли, у Андре имеется подписанный его высочеством, рескрипт – выдать вас российской полиции, как содержателя игорных притонов, дезертира и сбежавшего из-под стражи мошенника. Выбор за вами.

– Что ж, звучит убедительно. Пожалуй, я составлю вам компанию. – По достоинству оценив расклад, граф встал, придал лицу безразлично-любезное выражение и принялся отряхивать брюки.

– Вполне разумно, местье.

Госпожа Ле Блан кивнула спутнику. Тот достал полицейский свисток из кармана жилетки, надетой поверх клетчатой, на американский манер, рубахи, и выдул трель, заменяющую петушиный крик на рассвете.

– Полагаю, граф, мы и дальше сможем понимать друг друга.

Из ближайшего переулка на условный звук выехал запряженный парой фиакр. Андрэ, склонившись, как подобает вышколенному лакею, открыл дверцу, пропуская внутрь даму и ее высокородного спутника, затем устроился на запятках и скомандовал: «Вперед!»

– Куда мы едем? – стараясь за небрежностью скрыть невольное волнение, поинтересовался Тарло.

– К вам.

– Зачем? Если вы надеетесь отыскать там хоть что-нибудь ценное, то вынужден огорчить вас. Самое ценное, что у меня оставалось, ваш слуга отобрал еще там, на берегу.

– Самое ценное, что у вас осталось, вы только что собирались продырявить при помощи того, что Андре у вас отобрал. Но это лишь вынужденная мера. Вы поможете нам, а мы поможем вам.

– Дадите мне семьсот тысяч франков, чтобы вернуть долг?

– И да, и нет. Мы вместе сделаем так, чтобы вам не пришлось его возвращать.

Граф Тарло насторожился:

– Сразу должен заявить, что вы не заставите меня убить племянника султана, хотя я и должен ему огромные деньги. Быть может, я и не совсем чист перед законом, но убийство не в моих правилах!

– Он такой же племянник султана, как вы – российский престолонаследник. Но это не моя забота. И не ваша. Ладно, об этом позже. Сейчас небольшая услуга за спасение вашей драгоценной жизни.

– Черт возьми, перестаньте говорить загадками!

– Ну что вы, граф, загадки – это ваша стихия. Вы же любите всякие ребусы, парадоксы, шарады...

– Откуда вам это известно?

– Не важно. Известно. Это маленькое увлечение вам пригодится. Как и ваша нездоровая любовь к игре с крупными ставками, и, что весьма ценно, умение выкручиваться из неприятных ситуаций.

– Чувствую, это мне точно пригодится, – проворчал Тарло.

Мари Ле Блан не повела и бровью.

– Нынче за игорным столом вы, верно, обратили внимание на обворожительную брюнетку с красивыми глазами? – продолжила «боцманша». – Она с интересом наблюдала за вами.

– Заметил.

Тарло вздохнул, мечтательно прикрыл глаза. Подобных красавиц природа создает нечасто. И, уж точно, не для того, чтобы гарантировать мужчинам спокойную жизнь...

Красавица эта молча сидела около карточного стола, по-детски задумчиво наклонив изящную головку, и внимательно следила за игрой. Она покинула зал почти за полночь. Граф мысленно окрестил ее своим талисманом, ибо до ухода прекрасной дамы на столе перед ним уже высилась гора фишек, и карта шла в руки, будто заговоренная. Жизнь казалась прекрасной,

и рассеянные улыбки чернокудрой незнакомки при каждой его удаче еще более утверждали его в этой мысли...

– Это баронесса фон Лауэндорф, – сообщила мадам.

– Немка? – неподдельно удивился Тарло. – Больше похожа на испанку.

– О, нет. Баронский титул и фамилию она получила не от отца. Как и позапрошлый титул графини де Люинь, и прошлый – маркизы де Монтехо...

– Вот как! Она что же, – Владимир Тарло невольно поежился и с интересом поглядел на хозяйку экипажа, – «черная вдова»?

Мадам Ле Блан ухмыльнулась:

– Как можно воображать такие ужасы в отношении столь привлекательной особы? Мадам не коллекционирует трупы, если вы это имеете в виду. Куда больше ее интересуют драгоценности, титулы и деньги.

– Но в таком случае, как ей это удастся?

– В свое время вы это узнаете. Пока же могу вас обрадовать. Ее милость Алиса фон Лауэндорф по невероятной случайности или, если хотите, предусмотрительности снимает в отеле номер рядом с вашим.

«Становится все интереснее», – подумал граф

– Вы намекаете, что я ее следующая жертва?

– Вот именно, – невозмутимо ответила мадам. – Но давайте пока сменим тему. Обещаю скоро к ней вернуться. Пока же держите в голове, – вы сытный завтрак для этой милой особы.

– Не самая приятная мысль, – усмехнулся граф.

– А вы воображали всех дичью, и лишь себя – охотником? Или питали иллюзии, что прекрасная незнакомка пала жертвой вашего обаяния? Слава о богатом и удачливом игроке графе Тарло распространилась далеко за пределами нашей маленькой страны...

Но вот что интересно. Как бы удачно вам ни шла карта, как бы расчетливо вы ни играли и сколько бы порой ни выигрывали, одно я могу сказать совершенно уверенно – вы не шулер. Поверьте, я хорошо разбираюсь в этом ремесле, и долго следила за вашей игрой.

Мы приветствуем людей, желающих со вкусом провести время, спуская деньги за карточным столом или на рулетке. Для того и построено казино. Но далеко не все здесь склонны ограничивать себя докучными правилами честной игры. Чему же тут удивляться? Наше княжество привлекает из всей Европы уйму любителей пощипать кошелек ближнего своего. И не только из Европы, как показывает случай с Абдурахман-пашой. Нас такое положение дел совершенно не устраивает...

– Полагаю, вы не оскорбитесь, – перебил граф, – если я уточню, кого это – «нас»?

– Анонимное Общество Любителей Морских Купаний, – с гордой ухмылкой ответила мадам Ле Блан.

Брови на тонком лице польского аристократа удивленно взметнулись.

– Общество... какое?

– Анонимное, граф, анонимное. Вам достаточно знать только название. Чтобы было понятнее, отель, в котором вы живете, принадлежит ему. И далеко не только он.

– Судя по указу о моей передаче в руки агентов российской полиции, и сам принц Шарль тоже принадлежит...

– Мы не будем вникать в такие детали! – перебила его «боцман в юбке» и для убедительности стукнула о дно экипажа увесистой тростью. – Скажу одно: если монеты, которым надлежит попадать в казну, оседают в карманах мошенников, это огорчает его высочество.

– Что ж, его можно понять. Каким же вы видите мое участие в делах этого необычайного общества?

– Пусть все идет своим чередом, – кивая Андре, открывающему дверь экипажа перед хозяйкой, бросила мадам Ле Блан. – Как у вас в России говорят: «Не будем засовывать лошадь в

зад телеге». Вы уже знаете все, что вам следует знать. Скоро у вас состоится близкое знакомство с баронессой, а потом мы совместными усилиями решим проблему с вашим долгом. Затем уж, если не возражаете, поговорим обо всем остальном.

– Что ж, весьма своевременное предложение, – незаметно оглядываясь, улыбнулся Тарло. – От него непросто отказаться.

Предупредительный Андре предложил руку, помогая графу выйти.

– Вы даже не подозреваете, как трудно отказаться от наших предложений, – заверила Мари Ле Блан. – На всякий случай предупреждаю вас: ничего не опасайтесь. Андре теперь ваш камердинер.

– Но я не смогу заплатить ему даже за день, да что там, – зачас!

– Принц любезно взял эти расходы на себя. Маленькая просьба. Вы отличный спортсмен, в чем нынче я могла убедиться лично, но все же не пытайтесь сбежать от Андре. У судьбы не всегда бывает хорошее настроение.

– Вот еще! – надменно скривился бывший гвардейский улан, втайне оценивая манеру двигаться своего нового слуги. Того уж точно нельзя было назвать деревенским увальнем. Впрочем, городским увальнем Андре также не выглядел.

– Ступайте, граф. И помните: сегодня вы крупно выиграли. Ваш чемоданчик полон золота.

Граф удивленно поглядел на камердинера, тот молча указал на саквояж, с каким в русской провинции обычно разъезжали земские доктора.

– А теперь ваше задание, – продолжала напористая дама. – В течение ближайшего часа баронесса Лауэндорф должна проникнуться к вам такой симпатией, чтобы к утру она была готова стать вашей женой.

– Но я же...

– А я не предвижу здесь никаких затруднений, – хладнокровно заявила Мари Ле Блан. – И поверьте, это в наших общих интересах.

Королевские апартаменты, где обитал граф Тарло, были способны удовлетворить взыскательный вкус любого заезжего монарха. Но короли и даже владетельные князья тут бывали не часто, так что богатый потомок магнатского рода Тарло был желанным гостем роскошных палат. Безмолвный Андре с поклоном открыл дверь перед господином. Тот еще на пороге командовал барственным тоном:

– Распорядись, чтобы в номер доставили бутылку «Вдовы Клико». И пусть найдут мне год кометы! Я желаю отметить сегодняшний выигрыш! Кстати, если там, внизу, встретишь кого-нибудь, достойного составить мне компанию, зови в гости. Не могу же я, в самом деле, праздновать в одиночку!

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – низким голосом пророкотал Андре, поставив на столик саквояж с «выигрышем», и бросился выполнять приказание.

Едва он скрылся за дверью, граф Тарло устремился к чемоданчику, открыл его и обмер. Перед ним красовалась передвижная выставка трофеев из пещеры Али-Бабы. Золотые монеты, украшения... Он попробовал так же легко, как только что делал Андре, приподнять сокровищницу, однако в саквояже оказалось не меньше пуда веса.

«Что бы это все значило? Что за нелепое происшествие? – озадаченно глядя на оставленные без присмотра сокровища, подумал граф. – А если я сбегу и прихватю «казну» с собой?»

Он вновь быстро огляделся, оценивая ситуацию. Быть может, эта мадам с ухватками боксера-тяжеловеса в чем-то и преувеличивала свое влияние, но вероятно, не слишком. Наверняка выйти из отеля, не привлекая настороженных взглядов, не удастся. Но и оставаться, играя нелепую роль в какой-то подозрительной игре, совершенно не имеет смысла. А если попробовать, к примеру, поискать обходной путь? Немного времени в запасе есть: пока Андре будет

заказывать «вдовушку» года кометы, пока ему станут объяснять, что недавно этот сорт шампанского закончился... Можно рискнуть!»

Тарло подошел к балконной двери и тихо повернул литую бронзовую ручку в виде изогнувшегося в прыжке дельфина – завуалированный намек на французского престолонаследника, для которого некогда и предназначались эти апартаменты. До сего дня ему не доводилось оценивать нависший над синью волн балкон, романтично увитый диким виноградом, в качестве пути быстрого отступления из отеля. Как оказалось, напрасно.

Граф осмотрелся и попробовал лозу на прочность. Крепкая, выдержит. Одна лишь заковыка – спускаться по ней с таким грузом в руках чертовски неудобно. Не в зубах же тащить пудовый саквояж?! Оставить сокровища в номере? Ну, нет! Кто бы ни была эта проклятая мадам, ее выходы не заслуживают подобной щедрости. Пусть расплачивается, пусть знает, что оскорблять графа Тарло – дорогое удовольствие!

«А если, скажем, не забирать чемоданчик сейчас? – раздумывал граф. – Если повременить? Крепко привязать их к лозе, спустить между этажами, спрятать в листве, а потом, когда шум уляжется, вернуться и забрать. Кто догадается, что я их оставил здесь? Вряд ли их станут искать, если я исчезну. История не слишком красивая, но не я затеял эту возню. А на войне, как на войне! Если мадам Ле Блан желает указывать, что мне надлежит делать, а что нет, пусть знает, что со мной этот номер не пройдет!»

Тарло перегнулся через мраморные перила балкона и принялся рассматривать бьющиеся о подножье скалы волны. Связать простыни или попросту спрыгнуть? Кто знает, глубоко ли тут под балконом? С простынями верней, но на это уйдет время, а скоро уже может вернуться Андре. Надо рискнуть. Попробовать, что ли, слезть по лозам...?

«Потом придется немного поплавать. Но вода здесь теплее, чем в Финском заливе, а там я проплывал на спор от Ораниенбаума до Кронштадта. Здесь до яхт всяко ближе. Прихватить с собой немного золота... Любой здешний капитан за пару золотых монет согласится прокатить меня до Италии. Ну, с богом!»

Граф еще раз глянул вниз, повернулся, собираясь вернуться в номер за саквояжем, и тут услышал глухие всхлипы. Плакала женщина. Совсем близко...

– Сударыня, могу я вам чем-нибудь помочь? – спросил граф, озираясь по сторонам.

Тут он вспомнил: мадам Ле Блан упоминала, что баронесса живет в соседнем номере! Через миг он увидел черноволосую незнакомку на соседнем балконе. Услышав незнакомый голос, девушка подняла залитые слезами печальные глаза. Не узнать было невозможно – она была такая одна.

– Помочь? Благодарю вас, сударь, увы, нет. – Красавица тяжело вздохнула. – Для меня все кончено.

– Ну что вы, сударыня. Смотрите, день для всех только начинается.

– Оставьте шутки! – Юная баронесса всхлипнула. – Мне сейчас не до них.

– Неужели ваша беда так серьезна?

– Серьезна? – Прелестное лицо баронессы вспыхнуло. – Еще как серьезна! В полдень меня отсюда вышвырнут с позором, как приبلудившуюся нищенку. Я... Я...

Она вновь уронила заплаканное лицо в тонкие ладони.

– Сударыня, кажется, я видел вас сегодня или, вернее, уже вчера ночью. Да что там, кажется, – точно, видел! Давеча, в игорном доме! От вас что же, отвернулась удача?

– Ну что вы, мсье, как можно? Я не играла, лишь смотрела. Но... – Она глубоко вдохнула, с силой удерживая слезы.

– Похоже, мадам, речь идет о деньгах?

– Речь идет о моей чести! – вспыхнула баронесса. – И добром имени!

– Но для их поддержания необходимы... средства? – высказал очередную догадку прожженный игрок.

– Как нескромно вам говорить об этом! – поморщилась красавица и, чуть помедлив, вздохнула. – Увы, да.

– В таком случае, я думаю, проблема не стоит пролитых вами слез. Быть может, мадам желает переговорить об этом в более комфортной обстановке?

– Вы что же, хотите, чтобы я пришла к вам? – неподдельно ужаснулась прелестница. – Пришла в номер к незнакомому мужчине?!

– Да, это проблема. Что ж, разрешите представиться, – граф Тарло, Владзимеж Тарло.

– Алиса Деттери, баронесса фон Лауэндорф, – растерянно глядя на лейб-улана заплаканными глазами, тихо представилась девушка.

– Ну а теперь, когда свидетелем нашего знакомства стало все это милое княжество, быть может, вы все же расскажете, что довело вас до такого печального состояния? И мы поймем, чем ваш покорный слуга мог бы быть вам полезен.

– Хорошо, – изящно промокнув слезы кружевным платочком, вздохнула аристократка. – Я верю, что вы не причините мне зла. И впрямь, мои горести – не то, о чем следует кричать с балкона.

Она грациозно поднялась и скрылась за дверью, а спустя пару минут тихий стук возвестил появление посетительницы в апартаментах графа Тарло.

– Прошу вас. – Отставной гвардеец любезно склонил голову, впуская гостью. – Мой камердинер уже отправился за шампанским, так что скоро нам будет, чем отметить знакомство.

– Ах, – вздохнула красавица, – при таких обстоятельствах разве мне до шампанского?

– Гм, в прошлые времена я бы сказал, что в таком состоянии стоит подумать о коньяке. Но не решусь предложить столь крепкий напиток даме...

– Благодарю вас, месье. – Алиса фон Лауэндорф проследовала мимо бывшего лейб-улана к удобному глубокому креслу, обтянутому кремовым бархатом, и самым изящным образом обосновалась в нем. – Надеюсь на вашу порядочность, граф.

– Ну что вы! Неужели вы думаете, что я могу обидеть женщину?! – Тарло приблизился к очаровательнице так близко, как позволяли максимально расширенные версии приличия, и склонился к любезно протянутой руке. В его голове проскочила двусмысленная фразочка, услышанная от знакомого ахтырского гусара: «Поверьте, мадам, вы будете не в обиде». Но при данных обстоятельствах граф счел ее неуместной.

– Я говорю не только о благопристойности, – Алиса добродетельно отстранилась, – но и об умении хранить секреты.

– Я нем, как статуя, – гордо ответил поляк, расправляя широкие плечи. – Как статуя, покоящаяся на морском дне!

– Что ж, я откроюсь вам, хотя... – Она замялась и глубоко вздохнула. – Хоть эта необходимость гнетет и терзает мне душу.

– Шампанское будет с минуту на минуту, – напомнил граф.

Прекрасная дама благодарно кивнула.

– У меня огромное несчастье, друг мой, я просто обескуражена, не знаю, что делать!

– Увы, мадам! Пока вы не расскажете мне, в чем ваша беда, я еще менее вашего смогу понять, какая помощь могла бы вывести вас из затруднительного положения.

– По наивности, из-за нелепой веры в мужское слово чести, я попала в прескверную ситуацию, граф. Поймите меня верно, я не имею в виду вас. Я приехала сюда, чтобы развеяться после тяжелого и изнурительного для меня развода. Мой негодяй-муж изменил мне прямо в день свадьбы. Это было так омерзительно, так больно!

Баронесса импульсивно придвинулась к Тарло и сжала его руку:

– Сердце мое было разбито!

Она почти вплотную поднесла руку графа к своей груди, но вовремя остановилась, оставив того разрываться между горячим желанием немедленно заключить даму в объятия и сознанием собственной возвышенной рыцарственности.

– И вот, когда я приехала сюда, чтобы укрыться от смеющейся мне в лицо толпы, я получаю известие, что мой бывший супруг оказался еще большим мерзавцем, чем я полагала. Он распорядился немедленно закрыть мне доступ к банковскому счету. Конечно, адвокат добьется отмены этого нелепого распоряжения, однако на судебское крюкотворство уйдет не меньше недели. И, кроме того, понадобится мое личное присутствие. Но сегодня, увы, я совершенно без средств. К полудню мне нечем будет заплатить за номер. Меня выкинут на улицу!

Она всхлипнула, упала на грудь благородного рыцаря и начала щедро орошать блестящий лацкан смокинга чистыми горячими слезами.

Слегка обескураженный граф пробормотал:

– Ну, где ж там носит этого чертова Андре?! – продолжая утешающе гладить красавицу по блестящим иссиня-черным волосам, широкими волнами спадающим на хрупкие плечи. – Я мог бы дать вам некоторую сумму, – великодушно предложил он, невольно подсчитывая, на какие расходы может хватить прекрасной даме оставшихся у него десяти франков.

– О нет, нет! Я не могу принять от вас деньги в дар, а взять в долг – и того хуже. Посудите сами, ведь мне нужно будет уехать, и кто знает, когда я смогу вновь увидеть вас. К тому же, вдруг что-нибудь пойдет не так, и судебный процесс затянется? – Она прервала себя, будто на мгновение задумавшись. – Впрочем, если вы будете так великодушны, я знаю, действительно, знаю, как вы можете мне помочь! Погодите, я сейчас...

Алиса фон Лауэндорф стремительно вышла из номера, но спустя минуту вернулась.

– Вот, посмотрите! – В ее ладони, переливаясь бриллиантовой россыпью, лежала довольно крупная брошь. – Это старинная и очень ценная вещица. Полагаю, за нее можно было бы выручить не менее двухсот тысяч франков. Моя прабабушка, царство ей небесное, получила эту брошь в дар от Фридриха Великого.

– Уверен, на вас, сударыня, эта брошь смотрелась бы еще более эффектно, чем на вашей, несомненно, достойной родственнице.

– Ах, граф, вы так великодушны, так добры! Я бы никогда не решилась расстаться с этой красотой, но ваше неподдельное благородство, достойное истинного рыцаря, натолкнуло меня на, возможно, слишком смелую мысль...

Алиса пленительно улыбнулась. Граф Тарло почувствовал, как по всему телу пробежали мурашки. Он не без тревоги осознал, что готов согласиться с предложением красавицы, даже не выслушав его. Но, как подобает гвардейскому офицеру, более того, кавалеристу, он вовремя осадил себя, будто нехстати взбрыкнувшего жеребца, согласно кивнул и принялся слушать с самым внимательным видом.

– Я готова довериться вам, мой друг. Давайте в знак нашей столь недавней, но, как мне представляется, искренней дружбы, обменяемся памятными дарами. Вот мой своеобразный залог, – она протянула графу брошь. – Пусть она будет у вас в знак моей к вам глубокой признанности. А вы, – она чуть потупилась, – когда б вы могли дать мне в ответ, скажем, полтораста тысяч...

Дверь номера открылась.

– Ваше шампанское, месье! – Бритоголовый крепыш Андре появился в дверном проеме с серебряным ведерком, полным льда, из которого торчало горлышко бутылки. Он почтительно склонил голову. – И ваши гости.

В апартаменты шагом, твердым, как поступь командора, постукивая тростью, вошла Мари Ле Блан. За нею, потупившись, шла привлекательная блондинка из той породы милых барышень, рядом с которыми бывает легко молчать и легко смеяться. Сейчас, судя по ее виду, ей было вовсе не весело.

– Налей шампанского мадам Алисе! – с порога распорядилась Мари Ле Блан. – Так ей будет легче слушать. Садитесь, баронесса.

Дама-боцман неучтиво ткнула пальцем в ближайшее кресло.

– Это какая-то западня! – возмутилась обольстительница.

– Так и есть, – обрушиваясь на кремовый бархат, подтвердила Мари. – Граф, вы тоже садитесь и пейте шампанское. Это за счет заведения.

Баронесса фон Лауэндорф затравленно поглядела на странную гостью, на широкоплечего Андре, загородившего дверь, и села, не забыв скорчить самую презрительную из имеющихся у нее в запасе гримас.

– Итак, мадам фон Лауэндорф, – объявила Мари Ле Блан, – вынуждена официально заявить вам, что с этой минуты вы находитесь под арестом. Утром вы будете отправлены под стражей в Вену, где вас уже с нетерпением ожидает шеф криминальной полиции.

– Как вы смеете?! Я баронесса...

– Законность этого вашего титула никто не оспаривает. Как, впрочем, и всех остальных. А вот законность владения брошью королевы Марии Антуанетты работы швейцарского ювелира Иеремии Позье, поставщика российского императорского и многих германских королевских и княжеских дворов, весьма сомнительна. Эту брошь несчастная королева сумела передать в Вену своему брату-императору незадолго до казни. И с тех пор она является неотъемлемой частью драгоценностей короны.

– Но... но я ничего не знала об этом! – удивленно захлопала глазами красавица.

– Одним, можно так сказать, недобрым днем, – не удосуживаясь ответить баронессе, продолжала мадам Ле Блан, – хранитель императорской коллекции барон Фридрих фон Лауэндорф неосторожно продемонстрировал своей очаровательной невесте, – вам, мадам, – сокровищницу, в которой хранилась и эта милая вещица. И вы столь убедительно расписали потерявшему голову от любви мужчине, как вам просто снится эта безделушка, что он похитил ее и подарил вам. Умоляя, однако, никому о ней не рассказывать и, уж конечно, не показывать. Что, несомненно, резонно, как и ваше желание избавиться от краденого, пусть и в полцены. Таким образом, вы стали соучастницей в громком преступлении. А скорее всего, и его организатором. Но этим будет заниматься криминальная полиция Вены. Мы же в красках распишем, как вы пытались соблазнить рыцарственного графа Тарло и продать ему, – ах, извините, обменять на денежный подарок, – похищенное сокровище.

Глаза Алисы гневно вспыхнули. Она, было, открыла рот, но «боцманша» остановила ее предостерегающим жестом.

– Не утруждайте себя и нас увертками. Мы не собираемся разбираться в деталях. Для этого есть криминальная полиция Австро-Венгерской империи. Показания вашего мужа лежат на столе ее шефа. Так что вам предстоит новое свидание с Веной – и с супругом. Он несколько запаниковал, когда ваш адвокат пожелал отсудить половину движимого и недвижимого имущества дома Лауэндорфов. А потому явился с повинной в полицию, не без основания заподозрив, кто вы на самом деле.

– Вы не смеете порочить мое доброе имя!

– С этим вы замечательно справились и без меня. Ваша пикантная история просто восхитительна. Только представьте, граф, – мадам Ле Блан повернулась к Тарло, – в ночь после свадьбы прелестная невеста, якобы от волнения, занемогла. Потребовались нюхательная соль, притирания... Но потом, уже посреди ночи, ей стало лучше, и она решила осчастливить не слишком молодого супруга. Но когда, изнемогая от сладостного предвкушения и истомы, она переступила заветный порог опочивальни, там она с ужасом обнаружила, что барон коварно изменяет ей вот с этой милой крошкой. – И мадам кивнула на блондинку. – Баронесса, это же ваша камеристка, не так ли?

Дама высокомерно молчала, сжав слегка побледневшие губы.

– И она продолжает оставаться ею. Не трудитесь опровергать. Не правда ли, забавно? Сам барон утверждает, что был мертвецки пьян, и не помнит даже, как оказался в постели. А уж откуда там взялась совершенно голая девица, и вовсе сказать ничего не может. Но, тем не менее, повод для развода и раздела имущества бесподобный.

– Все это частью ваши домыслы, частью ложь моего бывшего мужа. Да, Женевьеву я весьма ценю, и то, что Фриц затасил невинную юную девушку в постель – ее беда, а не вина.

– Браво, мадам, вы неизменно хороши. Это как раз то, что нужно. Я бы, может, даже поверила вашему негодованию, когда бы не эта небольшая записная книжка.

Госпожа Ле Блан взяла из рук Андре неприметную книжечку из тех, которые на всякой ярмарке можно купить за грош. Заметь такую на земле, поленишься нагнуться, чтобы поднять. Однако, увидев ее в руках незваной гостьи, баронесса невольно метнула гневный взгляд на «Женевьеву», но вовремя опомнилась и старательно изобразила на лице недоумение.

– Я совершенно не понимаю, о чем речь. Повторяю, это какая-то подлая западня. Граф, как вы могли?! Это низко и недостойно! – Она повернулась к хозяину апартаментов: – Я ухожу!

– Это будет затруднительно сделать, – насмешливо покачала головой мадам Ле Блан и указала на крепыша, замершего за ее спиной. – Этот человек состоит на тайной службе принца. Если из-за позднего часа или моего акцента вы не все поняли, повторю: у нас есть все основания утверждать, что вы замешаны в похищении драгоценностей австрийской короны. У него есть приказ заковать вас и вашу спутницу в кандалы и передать жандармам его императорского величества Франца-Иосифа. Надеюсь, вы не торопитесь познать светскую жизнь Вены со стороны каземата?

Красавица бросила надменный взгляд, но не тронулась с места.

– Вижу, что нет. В таком случае, вернемся к записной книжке. Вы не поверите, граф, она целиком посвящена вам. – Мадам Ле Блан перевернула несколько страниц. – Рождение. Учеба. Служба в полку. Сведения об имениях в Подольской, Минской и Смоленских губерниях я опускаю, всем нам известно, что они сейчас находятся под арестом. А вот здесь интересно, – она ткнула толстый палец в страницу. – «Ближайший наследник Жерома Тарло, дивизионного генерала, губернатора французской Гвианы...» – Анонимная любительница морских купаний устремила на графа изучающий взгляд. – Вы знаете, о ком речь?

– Конечно, это мой дядя Иероним, – удивленно ответил Тарло. – Но я не видел его с детства, с тех пор, как он перешел на службу к императору Наполеону III.

– Вот видите, как нехорошо забывать о родственниках! Он, между прочим, о вас не забывает, даже сейчас, находясь на смертном одре.

– Дядя Иероним болен? – моргнул граф.

– Глупый вопрос. Впрочем, бессонная ночь, пережитое... Да, ваш дядя болен. Тяжелые последствия тропической лихорадки. В Гвиане, знаете ли, вообще отвратительный климат. Зато там полно золота. Хотите знать, в каких цифрах исчисляется ваше будущее наследство?

– Признаться, да, – пробормотал обескураженный лейб-улан.

– За вычетом налогов – три миллиона восемьсот двадцать тысяч рублей золотом, не считая недвижимости.

– Я снова буду, – глаза Тарло расширились, – богат?

– Нет. Как говорят у вас в России: «Близкий локоть не укусишь». Если вы попытаетесь сбежать из княжества, вы, как и госпожа баронесса, отправитесь по этапу в оковах, а наследство по решению суда перейдет в казну. Дальше будет назначена распорядительная комиссия, которая решит, что с ним делать. Может быть, найдутся еще родственники. Как у вас с ними отношения?

Граф поморщился.

– Как видите, наши милые прелестницы старательно подготовились. Здесь есть упоминания и о ваших личных качествах. Кстати и о том, что вы неисправимый дамский угодник.

Может быть, это польстит вашему самолюбию, – вас, граф, предпочли после долгих раздумий в нелегкой борьбе. И вашим соперником, между прочим, был не кто иной, как самозванный племянник турецкого султана. Впрочем, тут есть пометка, что он и не турок, и не султанского рода. Однако восточная сказка все же произвела должное впечатление на заинтересованное лицо. О, простите, на заинтересованное личико. Абдурахман-паша уже сделал вам подарок, мадам? Ведь так? – Госпожа Ле Блан вновь насмешливо поглядела на побледневшую баронессу. – Ивы с благодарностью приняли его.

– Не понимаю, о чем вы? – попыталась было возмутиться та.

– Андре, подарок! – Анонимная любительница купаний протянула раскрытую ладонь, и крепыш положил на нее крупную розовую жемчужину. – Вот он – любимый жемчуг Клеопатры. Ожерелье вечной молодости... Вы удивлены, мадам? Да, нам пришлось вскрыть тайник в вашей шкатулке. Кстати, там было еще несколько интересных записей... Госпожа баронесса, по вашему лицу вижу, вам не по душе мое любопытство. Вы можете обратиться в суд. Но этим лишь навредите себе. Как вы, несомненно, догадались, я стараюсь уберечь дорогих гостей нашего княжества от грозящих им неприятностей. Граф может подтвердить. Его я сегодня спасла от глупой смерти. Поскольку, вы мадам, все еще наша гостья, то на вас моя забота тоже распространяется.

– Каким же образом? – с горькой усмешкой поинтересовалась красавица.

– Непременно расскажу. Но сперва ответьте на один маленький, хотя и нескромный вопрос – с чего вдруг самозванный восточный принц решил подарить вам жемчужину стоимостью в восемьдесят тысяч франков?

– По-вашему, мое внимание не заслуживает такого подарка? – презрительно скривила губы прекрасная дама и одарила госпожу Ле Блан таким возмущенным взглядом, что, обратись он в дождь, на «мадам-боцман» не осталось бы сухой нитки.

– Полагаю, оно заслуживает куда большего, иначе мы бы вас попросту выдали полиции. – Хозяйка положения довольно ухмыльнулась. – Но почему тогда султанский родич не заваливает вас свежими лилиями и благоухающими розами? Почему не скребется в дверь номера, моля уделить ему толику вашего драгоценного внимания?

– В высшем свете так не принято!

– Но он же выдает себя за восточного принца! Знойные ночи, горячая кровь, опаляющие взгляды и прочие нелепицы из дамских романов...

Юная баронесса призадумалась:

– Быть может, он засиделся за карточным столом. Устал. Но нынче же утром, я уверена...

– Он ушел из казино три часа назад. Сейчас, насколько мне известно, спит в своем номере с парой девиц. Но в чем-то вы правы. Утром все начнется, забуллит и окрасится всеми цветами радуги. За розами и лилиями, правда, к местным цветочникам от принца не посылали. Но все же, восточная сказка очень скоро обратится в явь. И начнутся чудеса именно с этой жемчужины.

– Жертвуйте малым, чтобы взять большее? – тихо произнес Тарло. – Жемчужина – это наживка?

– Уверена, так и есть. А теперь к делу! Только что мы имели возможность полюбоваться замечательной розовой жемчужиной, столь любезно подаренной баронессе. Еще одна такая же вчера была передана на оценку в казино Абдурахман-пашой. Как раз перед игрой с вами, граф.

– Так этот человек не настоящий... – вырвалось у баронессы. Она прикусила губу и покраснела.

– Да. Настоящий Абдурахман-паша ведет мирную жизнь в Стамбуле и понятия не имеет, что тут вытворяют его именем, – кивнула мадам Ле Блан. – Так вот. И та, и другая жемчужины – часть драгоценного ожерелья «Любовь Клеопатры», пропавшего три года тому назад из курьерского поезда Париж – Кале... Преступление по сей день не раскрыто, хотя над загад-

кой бились и Скотланд-Ярд, и Сюртэ Криминаль. Вместо драгоценного украшения в наглухо закрытом несгораемом шкафу почтового вагона обнаружился кулек «Монпансье».

Как видите, похититель работал не без изысканности. Но страховое общество Ллойда не оценило тонкой насмешки. Ибо она ему обошлась в полтора миллиона фунтов стерлингов компенсации владельцу. От огорчения Ллойд назначил вознаграждение за поимку неведомого ловкача.

– Да? А сколько? – оживилась хранившая дотолле молчание блондинка.

– Стоит ли забивать пустыми цифрами вашу хорошенькую головку, мадемуазель? К вам они не имеют отношения, – отрезала Мари Ле Блан и, постукивая об пол тростью, продолжила. – Теперь розовый жемчуг из этого ожерелья всплыл в нашем княжестве, и с этим нужно будет разбираться. Мы – тихое, гостеприимное, очень дружелюбное государство. У нас всегда тепло и солнечно, и мы весьма заинтересованы, чтобы вокруг полагали, будто у нас всегда так. Нам совершенно не нужны громкие скандалы. Я понятно излагаю мысль?

– Да, вполне.

– А потому, дорогие наши гости, я настоятельно предлагаю вам поступить на службу. Вы трое: ваше сиятельство, баронесса и мадемуазель Женестьева Киба, в случае согласия немедленно зачисляетесь в тайный отдел Анонимного Общества Любителей Морских Купаний. Вы получите абсолютную защиту от всех претензий со стороны закона, естественно, в землях княжества. Нас будет интересовать только результат. В первую очередь, сохранение благопристойности и покоя в стране.

– Хорош выбор, – скривился граф Тарло.

– Как в любой игре, граф, – делать ставку, или нет. Я не настаиваю. Но в своей записной книжке мадемуазель Киба утверждает, что соображаете вы быстро, и так же быстро принимаете решения. Обычно эта девушка знает, что говорит.

– Что мы должны сделать? – коротко выдохнула баронесса.

– Ничего из того, чего вам прежде делать не приходилось. Я жду: да или нет?

– Проклятье, да!

– Граф, ваше слово?

– Выбор не велик, я согласен.

– Вот и славно. Мадемуазель Киба, полагаю, тоже не возражает?

Прелестная блондинка печально вздохнула и кивнула в знак согласия.

– Вот и прекрасно. Тогда, граф, баронесса, спешу первой вас поздравить: сегодняшняя утренняя газета сообщит о вашей помолвке. Этот номер в отеле государство любезно предоставляет в ваше распоряжение в качестве свадебного подарка.

– Нашего мнения, как я понимаю, спрашивать никто не собирается? – вскинул брови Тарло.

– В свое время им поинтересуется священник во время брачного обряда, – отмахнулась мадам Ле Блан.

– Но мсье Тарло мне отвратителен! – возмутилась баронесса. – Он гнусный лжец!

– Сколько страсти в этих словах! – не моргнув глазом, ответила мадам. – Со временем все может измениться. А страсть останется. Номер газеты уже в печати. Ваша помолвка больше не обсуждается. Есть ли еще какие-нибудь вопросы или предложения? Если нет, то доброго вам дня. Мне все же следует немного отдохнуть. Как я и сказала, можете ни о чем не беспокоиться, апартаменты к вашим услугам.

– Довольно удобная камера, – съязвила баронесса. – Но я все же предпочту соседнюю.

– Вопрос достоин обсуждения, – добродушно согласилась мадам Ле Блан. – Думаю, пока вы невеста графа, это вполне разумно. Однако, когда станете женой, это будет вызывать подозрения. Больше вопросов и комментариев нет? По лицам вижу, что нет. Тогда действуем. Андре проследит, чтобы группа ни в чем не нуждалась. – Она поднялась, оперлась на трость и

покровительственно оглядела присутствующих. – Что ж, полагаю, стоит выпить за образование тайного отдела. Вы не представляете, как я рада, что мы достигли взаимопонимания. Андре, наполни бокалы и проследи, чтобы никто из присутствующих не вздумал добавить туда яд... Шучу, шучу. И скажу вам сразу: я понимаю, что вы попытаетесь меня переиграть и сбежать. Так вот. Не рекомендую.

Мадам Ле Блан подняла бокал:

– За доверие, мои дорогие!

Дело второе. Любовь Клеопатры

Великий князь Николай Николаевич остановил взор на победителях скачки. Офицеры замерли в ожидании слов генерал-фельдмаршала. Тот медлил, вглядываясь в лица, затем кивнул юному корнету Тарло.

– В седле держался отлично, барьеры взял безукоризненно. Кто таков?

– Корнет Владимир Тарло.

– Уж не Константина ли Львовича сын?

– Так точно, ваше превосходительство!

– Как же, помню его у Плевны. Отличился он тогда при рекогносцировке. Сам Георгия ему вручал. Рад убедиться, корнет, что сегодня и вы не оплошали. Пажеский корпус, небось, закончили с отличием? – великий князь указал на мальтийский крестик, белевший на мундире улана.

– Четвертым в выпуске.

– А что, корнет, пошли бы ко мне адъютантом?

Граф почувствовал, что колени его подкашиваются, и, если б не сидел в седле, точно бы рухнул наземь.

– Почту за высочайшую честь! – стараясь рубить слова, ответил Тарло.

– Вот и славно! Вот и отлично! Стало быть, завтра поутру явитесь ко мне в дом на Благовещенской площади.

– Так точно, ваше превосходительство!

– Генералу Червонному передай, что отныне ты при мне состоять будешь.

– Да полно тебе бредить, Низи! – вдруг заговорил рыжий скакун командующего санкт-петербургским военным округом. – Не видишь, что ли, этот прощельга за тузами и королями Бога и государя позабыл?! Как ты станешь ему доверять?

Корнет с раскрытыми от удивления глазами прямо из седла бухнулся на колени:

– Не посрамлю, ваше императорское высочество. Четырьмя тузами... Ой! Господом нашим клянусь – не посрамлю!

– Да посрамит, посрамит! – не унимался рыжий скакун. – Потому как игрок и плут.

– Вставайте, граф. – Ахалтекинский скакун толкнул лейб-улана копытом в плечо. – Вставайте, полно спать, день уже на дворе!

Владимир Тарло приоткрыл глаза. Над ним склонился его плечистый камердинер:

– Я говорю, день уже на дворе! За дело пора!

– Фу ты, Матка Боска Ченстоховска, привидится же такое! Который час?

– Двенадцатый, ваше сиятельство.

– Этакая рань! Что это вдруг ты решил меня тормошить спозаранку?

– Хотел сообщить, что Абдурахман-паша изволили отбыть из отеля.

– В каком смысле, отбыть?

– Прикажете кофе? – не меняясь в лице, поинтересовался Андре.

– Я спросил, в каком смысле – отбыть?

– Отбывают в одном смысле. Уселся в экипаж и велел кучеру гнать в сторону Ниццы.

– Бред какой-то.

– Так прикажете кофе?

– Да, по-восточному.

Андре поклонился.:

– Сию минуту будет доставлено.

Тарло выбрался из-под покрывала, и Андре помог ему надеть шлафрок.

– Вода для умывания готова, – сообщил камердинер, – бритва наточена. Желаете бриться сами, или помочь вам?

– Управлюсь, – буркнул граф, направляясь в ванную комнату. У самой двери он остановился и вновь повернулся к Андре.

– Ты хочешь сказать, что этот, с позволения сказать, племянник султана – вот так, запросто, пренебрег моим долгом?

– Я бы на это не полагался. Точно известно одно – что-то поутру изрядно всполошило Абдурахман-пашу. Собирался он в великой спешке.

– Быть может, ему стало известно о нашем... – Он замялся, подыскивая слова, – военном совете?

– Так или иначе, мы скоро об этом узнаем. А сейчас, если позволите, я ненадолго удалюсь.

Прохладная вода придала свежесть лицу и ясность мыслям. Тарло мягко соскребал пробившуюся с вечера щетину, раздумывая над услышанным. «Что могло заставить ловкого мошенника, если он и в самом деле мошенник, удариться в бега? Что-то пошло не так, как было задумано? Неужели хитрец догадался о наших намерениях? Но как?»

Закончив с умыванием, но так и не придя ни к какому заключению, граф вернулся в комнату. Андре уже ждал его.

– Прикажете подавать?

– Да, благодарю. Кусочек сахара, щепотку корицы и дольку лимона.

– Я помню, ваше сиятельство.

Андре принял у слуги серебряный поднос с кофе и поставил его на журнальный столик возле кресла:

– Если не возражаете, я передам вашей невесте, что вы уже встали и ждете ее.

– Я, конечно, возражаю, но, можно подумать, это кого-то интересует.

Не убирая приклеенной улыбки с лица, камердинер склонил голову и направился к выходу:

– Мне кажется, мадам Алиса будет здесь через несколько минут...

Он открыл дверь, и в тот же миг, едва не сбив его с ног, в графские апартаменты разъяренной фурией влетела баронесса фон Лауэндорф.

– Ах, и вы здесь! – не здороваясь, выпалила она, увидев в дверях камердинера. – Отлично!

– ... Или даже раньше, – без тени смущения закончил фразу Андре.

– Где там ваша мадам Ле Блан?! – не здороваясь, бросила красавица.

– Дорогая, вы что же, полагаете, что я провел эту ночь с ней?

– Я вам не дорогая!

– Не могу согласиться с вами, мадам, – граф отпил глоток ароматного кофе из чашки тончайшего севрского фарфора, – вы обходитесь мне очень дорого, и, полагаю, это только начало.

– Оставьте свои каламбуры! Где ваша мадам Ле Блан?! – возмутилась баронесса. – Она мне обещала неприкосновенность со стороны закона, если я соглашусь на ее авантюру. Я желаю знать, отчего вдруг в мой номер является человек из детективного агентства Алана Пинкертона, берет с меня подписку, что я не покину этот чертов отель, и, уж тем более, это чертово княжество, и угрожает депортацией в Париж в объятия Сюртэ Криминаль?!

Лицо Андре посуровело.

– Мадам, я бы не рекомендовал вам называть «чертовым» наше замечательное княжество.

– Он прав, – вмешался граф Тарло, – поскольку мы здесь, очевидно, надолго, не будем ссориться ни между собой, ни с местными властями. А потому присаживайтесь и, прошу вас, спокойно и подробно расскажите, что произошло. Надеюсь, вы не откажетесь от кофе? Андре, позаботься!

Камердинер заученно склонил голову:

– Госпожа баронесса, вам кофе по-венски, как всегда? Баронесса бросила на слугу настороженный взгляд:

– Да, благодарю вас, Андре. – Она устроилась в удобном кресле. – Едва я проснулась, мне сообщили, что на встрече со мной настаивает некий господин. Я подумала, это кто-то из вас, или по вашему поручению, или, быть может, от Абдурахман – паши, и приказала его принять. Впрочем, думаю, если бы я отказала, это мало что изменило бы. Одним словом, ко мне ворвался какой-то рыжий наглец, показал какой-то документ сыщика из детективного агентства Алана Пинкертон и заявил, что вынужден задержать меня! Вы слышите – он вынужден! Он сидел и шелкал передо мной наручниками, как другие перебирают четки!

– Чего он хотел? – остановил поток ее возмущения граф Тарло.

– Он потребовал эту проклятую жемчужину. Сказал, что агентство ведет поиски ожерелья уже четвертый год, и поинтересовался, какие у меня отношения с Абдурахман-пашой. Я ему заявила, что никаких, но он рассмеялся мне в лицо. Каков наглец! Он сказал, что просто так, за красивые глаза, столь щедрые презенты не делаются. Он наговорил мне массу скабрёзностей, заявил, что, если я взамен не подарила восточному вельможе ночь любви, значит, он оплачивал какую-то услугу, и сыщик хочет знать, какую именно.

От него пахло виски и едва ли не конским потом. Он спросил, знаете ли вы, граф, об этом подарке. Продемонстрировал мне еще одну жемчужину и сказал, что спозаранку Абдурахман-паша уехал, должно быть, почувствовал слезку. И либо я расскажу ему обо всем, что он желает услышать, во всех деталях, либо он вынужден меня задержать и препроводить в Париж для снятия официальных показаний. Затем он заставил меня подписать бумагу, что я буду сидеть здесь, изъял жемчужину и убрался прочь...

– И вы просто так отдали ему жемчужину?

– А что мне было делать? Кричать «помогите»? Собрались бы все, от гостиничной прислуги до постояльцев. Я терпеть не могу публичных скандалов! Особенно мне не нравится покидать номер в наручниках.

– Разумно. Что ж, паузу вы выиграли. В лучшем случае, это был обычный мошенник, который похитил у вас бесценную жемчужину. – Тарло поглядел на стоящего у дверей Андре. – Но скорее всего, дело обстоит значительно хуже.

– Позвольте заметить, что если все значительно хуже, то это значительно лучше, – негромко проговорил камердинер. – Если бы Абдурахман-паша просто решил сбежать, почувствовав слезку, ситуация и впрямь была бы крайне неприятной. Но, как и предполагалось, одна жемчужина из ожерелья Клеопатры потянула за собой другую.

– Что ты имеешь в виду?

– Агент Пинкертон мог заметить жемчужину, которую засветил Абдурахман-паша, либо если сам присутствовал в этот момент в игорном доме, либо если имеет там своих людей. Второе сомнительно: мы тщательно отбираем персонал и, признаться, неукоснительно держим всех под контролем, дабы исключить попытки нежелательного сговора. Стало быть, агент был одним из игроков, или фланировал среди наблюдающей публики. Или ему заранее было известно, что Абдурахман-паша начнет манипуляции с жемчужиной.

В любом случае, если в полицейском управлении ему отдали ночной трофей, значит, он предъявил все необходимые бумаги. Может, они и фальшивые, но достойного качества. Можете не сомневаться, вы в безопасности, и полиция сделает все возможное, чтобы перекрыть выезды из княжества. Но, полагаю, это излишне. Пока шайка не достигнет желаемого, никуда отсюда не уедет.

– Дадим ему сделать очередной выпад и провалиться в пустоту, – подытожил Тарло, сжимая кулак, будто держа в нем рукоять сабли.

– Примем его на контратаке, – улыбнулся Андре.

– Представления не имею, о чем вы рассуждаете, месье. Но мне даже думать противно о ваших бессмысленных атаках и контратаках! – фыркнула мадам Алиса. – Вы полагаете, я в безопасности?

– Об этом можете не беспокоиться. Даже если сам мистер Пинкертон решит вылезти из могилы и заявиться в наше княжество со стопкой бумаг величиной с Монблан, вас ему не выдадут.

– Это совершенно меняет дело, – улыбнулась баронесса, и в глазах ее сверкнул хищный отблеск. – Итак, что мне следует предпринять?

– Ничего особенного – продолжать быть испуганной. – Граф на мгновение задумался. – Возможно, мошенники следят за вашим номером. Можете сказать, что побежали жаловаться ненаглядному жениху, дальше произошло выяснения отношений, однако я благородно, как и подобает настоящему аристократу, простил, что вы, не оповестив меня, приняли такой подарок. Теперь я весьма встревожен, как бы эта история не расстроила нашей свадьбы. Родня, борзописцы... Я полагаю, вы найдете, что сказать.

– Что вы имеете в виду, говоря «настоящему аристократу»?! – баронесса взвилась, будто дикая кошка, которой наступили на хвост грязным сапогом.

– Род графов Тарло известен с начала пятнадцатого века...

– А, простите, мне почудилось... – Мадам Алиса вновь очаровательно улыбнулась. – Ладно, продолжу бояться. Сделать это, увы, совсем не сложно.

Покинув апартаменты, граф Тарло и его камердинер прошли широкий, застланный длинноворсовым ковром коридор. Дежуривший на этаже расторопный слуга поспешил открыть знатному гостю дверь на лестницу. Тарло заметил, что Андре сделал едва уловимый знак, быстро согнув и разогнув указательный палец, точно нажав на спусковой крючок.

«Интересно, что это они задумали?» – мелькнуло в голове Владимира.

Спустившись этажом ниже, он собрался было следовать дальше, и уже представлял, как, помахивая тростью с серебряным набалдашником, отправится на променады по благоухающей цветами набережной, когда вдруг услышал негромкий голос камердинера:

– Погодите месье. – Расторопный «слуга» обогнал господина, оглядел коридор и, убедившись, что вокруг ни души, чуть слышно произнес: – Вам налево, ваше сиятельство.

Они прошли всего несколько шагов. Андре достал из кармана небольшой ключ, вставил его в замочную скважину выходящей в коридор двери, повернул, и, впустив графа, быстро вошел сам.

– Что это еще за конспирации? – удивленно спросил Тарло, глядя как Андре запирает дверь ключом на два оборота.

– Вам следует молчать об увиденном, граф, – сбрасывая маску почтительного слуги, ответил камердинер. – Никто не должен знать о том, что происходит за этой дверью.

– Я и сам пока этого не знаю.

– Узнаете непременно. Итак, вы не должны передавать кому бы то ни было то, что вам станет известно. Поверьте, все это делается исключительно для безопасности наших гостей.

– Судя по всем этим странным предупреждениям, делается что-то основательно гадкое.

– О, нет. Просто некоторая нескромность.

Он подошел к следующей двери и распахнул ее. Помещение за ней выглядело довольно странно, так что Владимир даже сразу не понял, что здесь происходит. На простых венских стульях здесь сидели несколько девушек и, прижимая левой рукой к уху отделанные каучуком латунные раструбы, что-то усердно записывали на разматывавшейся с валика бумаге.

– Кто это?

– Стенографистки, ваше сиятельство.

Тарло еще раз обвел удивленным взглядом комнату, выходящие из стен трубки – и вдруг понял:

– Вы прослушиваете разговоры постояльцев?

– Именно так, – совершенно не смущаясь, подтвердил Андре. – Но мы никогда не используем услышанное во вред нашим гостям, конечно, если сами гости не пытаются причинить вред нашему замечательному княжеству.

Камердинер подошел к одной из стенографисток и тронул ее плечо. Заметив его, девушка встала и протянула ему раструб.

– Присаживайтесь, – не столько предложил, сколько распорядился слуга. – Подвиньте стул и возьмите еще один моноаурис, – он указал на еще один раструб, лежавший на столе рядом с рулоном бумаги. – Это апартаменты вашей невесты.

– Разложи платье здесь. Пусть, когда войдет, увидит, что я готовлюсь к свадьбе.

– Значит, мы сейчас никуда не едем?

– Пока нет.

– Эдит, зачем нам впутываться в эту игру? Если будет нужно, я легко договорюсь...

– Ты уже договорилась! – перебила ее недовольная баронесса. – Не ты ли учила меня: нельзя держать в номере подобные вещи?

– Прости, время было позднее, я надеялась утром отвезти жемчужину и положить ее в сейф.

– Как бы то ни было, нас переиграли. А сейчас кто-то пытается и вовсе сделать из меня дуру. Ну, нет! Два раза за один день чувствовать себя воспитанницей пансиона благородных девиц, застигнутой за курением виргинской сигары – это уж слишком!

– Ты что-то задумала?

– Как сказал бы этот лохотный солдафон, мой жених – дать бой.

– Все это так неосторожно! Мы здесь очень засиделись. Конечно, западня захлопнулась, тут ничего не сделаешь, мы в нее уже угодили. Надо бы теперь подумать, как поскорее выбраться.

– Все это верно, – не замедлила с ответом баронесса. – Однако наше участие в этом деле усыпит бдительность чертовой толстухи и ее молодчиков. К тому же, – Алиса вздохнула, – признаться, я не готова расстаться с этой бесподобной жемчужиной. – Разложишь платье, а затем разузнай, где и когда остановился мистер Донован Спарроу, где уже успел побывать, как расплачивался – словом, узнай все, что сможешь. И насчет Абдурахман – паши не забудь выяснить. Что это за бегство на рассвете?

– Не в первый раз, – хмыкнула Женестьева. – Но ты все же не заигрывайся. Главное, не вздумай сдуру влюбиться в своего жениха.

– Вот еще, скажешь тоже!

– А что, он красавчик. Не то, что барон.

– Очередной пустоголовый кавалерист. Любуется собой, как селезень.

– Не скажи, не скажи. Эх он спозаранку кинулся на твою защиту – настоящий лев!

– Эй, эй, Женестьева, ты сама не влюбись! Давай, заканчивай с платьями, и задело!

Граф, покрасневший, как утренняя заря, отложил латунный раструб:

– Ее что же, зовут Эдит?

– Может, и нет. Но без свидетелей мадемуазель Женестьева называет ее именно так. Похоже, вы не произвели на вашу невесту неотразимого впечатления.

– Это вовсе не ваше дело, Андре! – оскорбился Тарло.

– Мое дело, чтобы на людях вы выглядели абсолютно счастливой парой. Мадам Ле Блан будет чрезвычайно недовольна, если вы будете смотреть друг на друга, как солдат на вошь.

Граф Тарло откинулся на спинку венского стула:

– Мне нужно подумать.

– Вам что-то мешает?

– Пока что мы здесь мешаем нелегкому труду этих барышень. Если не возражаете, пройдемся по набережной, на ходу мне всегда думается лучше.

– Как прикажете, ваше сиятельство. – Андре вновь напустил на себя вид расторопного слуги.

По набережной гулял народ. Голубые прозрачные волны, искрясь под летним солнцем, плескались о пирс, и расцветшие парусами мачты яхт виднелись на горизонте, маня и волнуя кровь жаждой дальних странствий. Толстые пальмы едва покачивались, шелестя широкими листьями. В увитой диким виноградом беседке играл духовой оркестр, и дирижер в белоснежном фраке то и дело взмахивал руками, будто поднимая музыку к небу. Граф шел, поминутно кланяясь знакомым и приподнимая цилиндр. Вдруг к солоноватому, пропитанному йодом дыханию моря примешался буйный аромат свежих цветов. Тарло остановился.

– Андре, следует послать моей восхитительной невесте корзину цветов. Она раскладывает сейчас там свои платья, всячески изображает счастье на лице, и при этом в ее номере нет ни одного несчастного цветочка от охваченного страстью жениха?! Это чистейший абсурд. Если сыщик внимателен к деталям, он непременно это подметит.

– Вы правы, ваше сиятельство.

– Будь добр, купи самых свежих лилий.

Камердинер подозрительно глянул на хозяина.

– Андре, я не убегу, я дал слово чести! Да и куда?

Слуга кивнул и направился к бойкому цветочнику, выставившему свои корзины прямо у набережной. Граф подошел к воде и, сложив руки перед грудью, стал следить, как волна наползает на волну, и белая пена, разрываясь в клочья при ударе, наполняет воздух мириадами крошечных брызг.

«Надо же, – окинув ироничным взглядом пирс, усмехнулся он, – только сегодня утром в нескольких шагах отсюда я собирался вышибить себе мозги, не имея средств отдать долг. Положение казалось мне совершенно безнадежным. А тут вдруг разом нашлось и чем платить, и сам Абдурахман-паша вдруг сбежал, позабыв об этом куше. Как все это странно!»

Отблески солнца в волнах радовали глаз.

«Надо будет приложить записку к букету. – Тарло вспомнил беседу „невесты“ с ее „служанкой“ Брошенные в его адрес слова заставили графа поморщиться. – Что б такого написать? Быть может, просто: „Несравненной Эдит от преданного Владимира“? Пусть себе помучается, что мне известно, и откуда...»

– Прошу извинить, вы, если не ошибаюсь, граф Тарло? – послышался сзади скрипучий голос.

Лейб-улан повернулся. Перед ним стоял расплывшийся человек в сером, застегнутом на все пуговицы сюртуке. Лицо его было украшено широкими бакенбардами с подусниками, переходящими в густые, нависающие над верхней губой, усы. Человек был сутул и глядел несколько исподлобья или вниз, если отводил взгляд.

– Да. С кем имею честь?

– Это не важно, я один из служащих компании господина Прагоса.

– Не припоминаю, чтобы доводилось слышать это имя.

– И все же, я уверен, в ваших интересах уделить мне немного вашего драгоценного времени. – Сутулый развернул вытертую на углах папку из кожи аллигатора, которую дотоле держал под мышкой. – Потрудитесь взглянуть на это.

– С удовольствием, если это меню.

– Это расписка, подписанная Абдурахман-пашой, – оскорбился незнакомец. – Поскольку этот господин очень спешил, желая успеть на пароход в Стамбул, он продал ваш долг моему хозяину.

– Меня он решил не ставить в известность? – нахмурился граф.

– Я же говорю, он чрезвычайно спешил. Султан Абдул-Гамид II призвал его в силу неотложных обстоятельств. Но вы можете ни о чем не беспокоиться. Мы не собираемся разорять вас. Нам известно, что у вас сейчас некоторые финансовые затруднения...

– У вас неверные сведения, – прервал его граф.

Сутулый поднял на него темные глаза и поглядел с нескрываемым сомнением, похоже, не веря ни единому слову.

– Если хотите, мы сейчас же направимся в отель, и я вручу вам сумму целиком.

– Я не уполномочен получать от вас какие-либо суммы.

– Ну, тогда отведите меня к вашему господину!

– Я не уполномочен знакомить вас с господином Прагосом.

– Тогда, черт возьми, что вам нужно?!

– Хозяин велел показать вам эту расписку и передать, что он не настаивает на немедленном возвращении денег. Более того, он готов предложить вам ссуду в сто тысяч франков. Вы будете играть и дальше, как делали это прежде, и мой господин надеется, что впредь удача будет вам сопутствовать. Половину выигрыша господин Прагос будет изымать в счет погашения долга.

– Забавно, очень забавно! А если, предположим, я проиграю?

– Это несколько увеличит ваш долг господину Прагосу. Вы должны понять: мой хозяин не хочет терять проценты с суммы долга и не станет размениваться на мелочи, на манер ссудной конторы. Вы будете играть и выигрывать, а мы обеспечим вашу безопасность. Считайте это сотрудничеством, так вам будет комфортнее.

– Вот как?! Тогда, вероятно, я буду вынужден отказаться от столь щедрого предложения. Я пошлю с вами своего камердинера, он передаст деньги.

– Вам будет трудно сделать это. Господин Прагос никогда не встречается с теми, кого не приглашал. Что же касается вашего намерения отказаться следовать его указаниям, признаюсь, я имел смелость задать вопрос об этом. Он просил меня передать, что курицу, которая несет золотые яйца, хорошо кормят и берегут. Но если курица не делает этого, ее судьба – отправиться в бульон.

– Вы мне угрожаете?!

– Лишь передаю сказанное. И не трудитесь его искать. Те, кому это будет поручено, сами найдут вас. А сейчас позвольте откланяться, ваш слуга уже несет цветы. Кстати, замечательный выбор! Полагаю, ваша невеста будет довольна.

Подошел Андре, едва заметный за огромной корзиной лилий.

– Послушай, кто такой Прагос? – не давая ему сказать ни слова, спросил Владимир.

– Впервые слышу эту фамилию. Или это имя?

– Очень интересно. Погляди вон на того господина. – Тарло повернулся, намереваясь указать на сутулого. Однако тот исчез, будто растворился среди гуляющей публики. – Проклятье, чудеса какие-то. Он только что был здесь.

Андре кивнул.

– Надеюсь, вы запомнили, как он выглядел?

– Да, серый невзрачный сюртук, сутулость...

– В сюртуке нынче жарко. Если человек сбросит его и выпрямит спину, эти приметы исчезнут сами собой. Это азы сыскного дела. Вы увидели лишь то, что вам хотели показать.

– Это мы еще посмотрим, – пытаюсь разглядеть среди публики странного человека, будто припорошенного густым слоем пыли. – Пожалуй, ты прав. В любом случае, задуманное наступление на грани срыва, противник атакует нас с флангов в то самое время, как мы намеревались сокрушить его фронт стремительным ударом. Похоже, имеет смысл обсудить странности этого дела с мадам Ле Блан.

– Вот именно. Экипаж ждет вас, месье.

Граф пожал плечами:

– Здесь до экипажа и до отеля путь почти одинаковый.

– И все же вам лучше поехать.

Тарло удивленно взглянул на камердинера. Тот, как обычно, был невозмутим, но за протестным выражением лица граф уже научился угадывать непреклонную волю.

– Ладно, давай прокатимся.

Тарло взял из рук слуги корзину с цветами:

– Хороший выбор!

Еще подходя к фиакру, граф понял, кто поджидает его внутри. Казалось, экипаж просел так, что колеса вот-вот раскатятся в разные стороны. Как ни в чем не бывало, он подождал, пока Андре откроет дверцу, и втиснулся внутрь. Мадам Ле Блан опиралась на свою неизменную трость.

– Рассказывай! – скомандовала она.

И Владзимеж заговорил. Она слушала, в такт словам постукивая по полу, а экипаж катился и катился, должно быть, кружил по столице.

– Вот как! – наконец произнесла она. – Что же там произошло? Кажется, Абдурахман-паша и его шайка замыслили игру краплеными картами. Ты знаешь, кто такой этот Прагос?

– Представления не имею.

– Что ж, узнаем. Пока имейте вид если не испуганный, то встревоженный. Пусть этот Прагос, кем бы он ни был, думает, что вы плотно заглотили крючок. С вами непременно кто-то свяжется, должны же вы как-то передавать выигранные деньги. Пока ничего не предпринимайте. Нужно выиграть время. Я постараюсь выяснить, кто это объявил на нас охоту. Жемчужины Абдурахман-паши сейчас наша единственная зацепка. Она громко ударила тростью об пол. – Кучер остановил экипаж. – Передайте мадам Алисе мои самые добрые пожелания. Пусть бережется вечерней прохлады. Но кроме простуды ей ничего не угрожает.

– Отнеси цветы Алисе, – скомандовал граф, входя в отель. – Я буду ждать тебя в ресторане.

Андре поклонился и начал подниматься в апартаменты. Не теряя времени, граф отправился в уютный ресторан отеля. Зал встретил его вялым гомоном. Недавно проснувшиеся обитатели гостиницы, пожелавшие слегка размять ноги перед утренней трапезой, как и сам граф, сейчас торопились к позднему завтраку, перетекавшему в ранний обед. Метрдотель, завидев дорогого гостя, склонился дугой.

– Как обычно в отдельном кабинете, ваше сиятельство?

– Как обычно, – рассеянно подтвердил Тарло. Из головы его не шел странный господин. Было в нем что-то неестественное, но Владимир никак не мог понять, что именно. – И вот еще, любезнейший! – окликнул граф удаляющегося распорядителя. – Велите принести мне в кабинет бумагу и карандаши.

– Непременно, ваше сиятельство!

– Мерси, – кивнул граф и, погруженный в свои мысли, направился к отдельному кабинету. «Я едва отвернулся, и этот странный тип будто растаял в воздухе. Андре говорил насчет сюртука. Так, вероятно, оно и есть».

Владимир вспомнил чудесные представления в цирке Чинизелли рядом с Михайловским манежем. В прежние времена он часто захаживал туда в гости к одной отчаянно смелой наезднице... Сразу после ее выступления на сцену выходил маг и чародей в смокинге. Поклонившись, он взмахивал руками и тут же исчезал в клубах дыма, а когда дым рассеивался, уже восседал на ковре в чалме и персидском халате. То, что смокинг едва наживлен по заднему

шву на тонкую нитку, Тарло знал. Для всего остального нужна была ловкость рук и быстрота. А что, если и здесь? В одно мгновение встать спиной к растущему поблизости дереву, сдернуть сюртук... Он вдруг остановился. Там, в цирке, халат был спрятан прямо под смокингом, так что внешне чародей выглядел довольно упитанным, но широкий восточный халат скрывал внезапное похудание фокусника, а ковер – исчезнувший наряд. Здесь мог быть тот же прием, значит, изменилась бы и фигура. Накладные толстые бока могли быть частью сюртука...

Он устроился за столом, и гостиничный слуга, появившийся, как из-под земли, внес стопку бумаги и остро отточенные карандаши. Граф кивнул и принялся делать зарисовки. Он никогда не числил себя художником, однако прилежная учеба в Пажемском Корпусе и занятия картографией сделали его руку твердой и послушной, а глаз зорким, схватывающим даже незначительные детали. «Здесь все может быть фальшью, – бормотал он себе под нос, стараясь изобразить физиономию незнакомца. – Вроде бы, похоже, – он поглядел на широкие бакенбарды, усы, покатый лоб и будто выпученные глаза. – И так, человек мог оказаться выше, если бы распрямил спину, усы и бакенбарды можно легко приклеить, а стало быть, и снять. Шаромыжник мог быть худощавее... – Граф взял следующий лист и начал делать очередной набросок уже обритого, расправившего плечи, а заодно и похудевшего шантажиста. – Вероятно, так. – Он посмотрел на получившийся рисунок. – Как интересно... как интересно...» – он, было, встал, но в этот миг в кабинет вошел его камердинер.

– Мадам Алиса поблагодарила за цветы и сказала, что желала бы поговорить.

– Хорошо, сейчас отобедаю и поднимусь к ней, – держа перед собой рисунки, бросил граф.

– Это излишне, я приказал слуге принести сюда приборы для вашей невесты. Скоро она будет здесь.

Тарло поморщился:

– Признаться, я надеялся поесть в тишине. Но что ж, пусть так. Тебе, быть может, известно, откуда такое странное желание у моей нежной голубки?

– Мне передали, что агент Пинкертона снова побывал у мадам Алисы. Может, речь пойдет об этом. К чему гадать, скоро она вам сама все выложит.

– Я все уладила, – аккуратно сложив вилку и ложку на опустевшей тарелке, Алиса отодвинула ее и улыбнулась графу. – Больше этот мистер Спарроу не будет нам мешать.

– Я хотел бы услышать подробности.

– Словами этого не описать. Это нужно было видеть. Я была так мила, так бесконечно трогательна, что этот мужлан смягчился. Он пришел ко мне, жуя табак, и только что не сплевывал его прямо на хорасанский ковер. Сообщил, что начальник полиции отбыл в Италию и вернется не раньше, чем к вечеру. А потому я нынче могу свободно передвигаться по этому проклятому княжеству, но не должна никуда выезжать. Еще сказал, что ищейки будут следить за каждым моим шагом. Я умоляла его дать мне возможность свидеться с вами, наплела ему, как обожаю вас, и что часа не могу прожить в разлуке.

– Благодарю за ваши лестные отзывы о моей скромной особе. – Тарло взял ее руку.

– Но-но, Владимир, это лишь работа. – Алиса чуть отодвинулась. – Словом, мое отчаянье не знало границ.

– Замечательно. И каков результат?

– Этот мистер Спарроу растаял, начал рассказывать о своей несчастной участи, о семье, где рос, о неблагоприятной работе. Я внимательно его слушала, поддакивала. Он совсем раскис. Стал говорить, как ему меня жаль, что я попала на низкую уловку хитрого мошенника, что прежде ему никогда не доводилось иметь дело с такой красивой девушкой. Словом, все то, что я готова была от него услышать. Надо сказать вы, мужчины, удивительно однообразны в

подобной ситуации. В конце концов в ответ на мои утешения он сказал, что готов помочь мне выбраться из той ужасной ситуации, в которую мы с вами угодили.

– Вы угодили, сударыня, мне Абдурахман-паша ничего не дарил.

– Мы, граф, ведь я теперь ваша невеста! И в моих силах ослабить вас на всю Европу.

– Ладно, допустим. Что за предложение сделал вам этот сыщик?

– Как я уже говорила, он занимается поисками ожерелья уже четвертый год. И ему удалось отыскать примерно треть похищенного украшения, точнее, двадцать восемь жемчужин. Конечно, находясь на службе, он не может просто так отпустить меня. Но... – Алиса сделала эффектную паузу, – он готов оставить службу, если, конечно, ему будет выделена достойная сумма, чтобы он мог приобрести себе новые документы и бесследно исчезнуть. А для этого он готов предложить мне, ну, то есть, конечно, вам, найденные им жемчужины.

Мистер Донован сказал, что у него здесь есть знакомый ювелир. Абдурахман-паша посетил его незадолго до того, как явился в игорный дом, и хотел две жемчужины продать, но мастер опознал их и решил не связываться. Однако если ему заплатить за работу и за молчание, он может сделать ожерелье из тех двадцати восьми, что у него есть, так что никто не сможет связать вновь созданное украшение и древнюю реликвию «Любовь Клеопатры». Еще он добавил, что для вас это несущественная сумма, зато вы сделаете достойный свадебный подарок столь очаровательной, – Алиса смущенно потупила глазки, – невесте. – Я обещала поговорить с вами, граф, и вот, говорю.

Граф Тарло задумчиво поглядел на красавицу:

– Похоже, вы сыграли в его игру, сударыня.

– Ах, как вы ошибаетесь! Вы просто не видели его глаз, в них блестели слезы!

– И вы поверили? На рассвете я видел ваши слезы, этим все сказано. Вы полагаете, что очаровали этого детектива? Уверен, он наперед знал, как вы поведете себя, и ловко расставил нам ловушку. Что ж, попробуем использовать ее против самого охотника. А сейчас посмотрите на этот портрет. – Граф придвинул к нареченной свои наброски. – Никого не напоминает?

Детектив говорил тихо, верно, опасаясь, как бы не подслушали:

– Я рад, что ваш жених оказался достойным человеком. Надеюсь, и впредь у вас не будет повода сожалеть о вашем выборе. Я готов предложить вам совершенно безопасный план. Здесь на окраине есть небольшая ювелирная лавка, о ней не знает гуляющая публика, но те, кто умеет ценить по-настоящему уникальные драгоценности, знают, что мастер Сэм Абрахам – один из лучших в Европе. Я уже говорил, а мне приходилось иметь с ним дело – он честнейший человек. Сейчас ему срочно нужны деньги, чтобы отправить на учебу в Лондон сыновей-близнецов. Только поэтому, мне думается, он закроет глаза на происхождение жемчуга. В конце концов, он ведь может и не знать о похищении ожерелья. Итого, вы заплатите полмиллиона франков мне, как видите, это очень по-божески. За срочность я готов уступить в истинной цене. Еще сто тысяч – мастеру Сэмюэлю. И можете не сомневаться – вы получите восхитительное украшение, такое не стыдно будет надеть на прием к британской королеве.

– И все же это как-то, ну, как бы сказать, тревожно!

– Я понимаю ваши опасения, мэм. Украшение, конечно, будет сказочным, но само собой, по мановению вашей руки, оно не появится.

Нам следует поверить друг другу, хоть это не просто. Давайте так: я покажу вам, где лавка. Сегодня вы, к сожалению, не успеете, скоро начинается суббота, но завтра вечером лавка будет открыта. Пошлите надежного человека, проверьте, сами поговорите с мастером. В конце концов, покажите ему свою жемчужину, пусть он ее оценит. Когда вы убедитесь, что это виртуоз своего дела и достойный человек, то поступим так: мы с вами встретимся неподалеку от лавки, я принесу жемчуг. Вы можете пригласить человека, разбирающегося в драгоценностях. Пусть он взглянет, вы убедитесь, что я вас не обманываю.

– Ну что вы? Яив мыслях такого не держу!

– Мэм, я все понимаю, мы взрослые люди! Конечно, мне приятно, что вы не считаете старину Дона грязным прохвостом, но речь идет о немалой сумме, во всяком случае, для меня она весьма значительна. И тут – либо я верю вам, а вы верите мне, либо нет. Но тогда я буду вынужден припомнить, что по-прежнему являюсь детективом агентства Пинкертона.

– Послушайте, мы же обо всем уже договорились! – возмутилась баронесса.

– Все-все, мэм, больше не напоминаю. Считайте, что я уже просто частное лицо. Итак, я приношу шкатулку с жемчугом, вы его осматриваете, шкатулка переходит к вам, вы передаете мне деньги. Затем я иду в лавку и договариваюсь с мастером Абрахамом. Потом ухожу черным ходом – не стоит, чтобы нас видели около лавки вместе. Остальное вы сможете уладить сами. То есть, конечно не вы, а ваш замечательный жених. Хотя, признаться, любому куда приятней иметь дело лично с вами. Увы, вряд ли нам удастся свидеться вновь. После того, как вы заплатите мне «выходное пособие», я думаю уехать в Индию. Надеюсь, этих денег мне хватит до смерти. А потому, так как не успею до отъезда засвидетельствовать свое почтение, скажу прямо сейчас – мне в жизни не доводилось видеть женщины прекраснее и умнее вас. Будь я бароном или маркизом, непременно похитил бы вас у этого поляка...

– Мистер Спарроу, я обожаю своего жениха и не желаю слушать такие речи.

– Виноват, мэм, но не судите меня строго. Не смею больше задерживать. До завтра!

Граф Тарло услышал удаляющиеся шаги, затем хлопнула дверь. Он убрал от уха латунный раструб и глянул на Андре:

– Ты знаешь, где эта лавка?

– Да. Место не слишком бойкое. Улочка на окраине. Домик. Садик на высоком берегу залива. Но ювелиры там сидят еще с тех пор, как после разгрома Наполеона король Луи-Филипп даровал предку нашего князя звание пэра Франции. Семейство Абрахам в те времена изготовило знаки пэрства.

– Предложение не выглядит обманом, – перебил его граф Тарло. – оно, и впрямь, могло бы быть выгодным. Двадцать восемь таких жемчужин стоят куда дороже. Одна проблема – их не продать. Полиция Европы и Америки только и ждет их появления. А здесь все получается так гладко, так похоже на правду, что категорически не может ею являться.

Мадемуазель Киба обвела всех предвкушающим взглядом – ну точно выход на сцену оперной звезды. Конечно, зрителей в этот час в апартаментах графа Тарло собралось немного, но каждый глядел на Женеьеву с нескрываемым интересом.

– Начну с племянника султана. Абдурахман-паша действительно приехал сюда четыре дня тому назад, об этом есть заметка в местной газете, да еще и с фотографией этого восточного наследника, с шиком выходящего из вагона поезда. Из-за этого снимка едва не случился скандал. Абдурахман-паша приехал в редакцию и начал браниться, мол, прибыл сюда инкогнито, и не давал разрешения на публикацию. Что ему весьма не хотелось бы, чтоб его дядя, султан Абдул-Гамид II узнал, где он проводит время. Его величество терпеть не может этот европейский разврат. Во избежание международного скандала номер по большей мере успели изъять. Но в редакции осталась пара рабочих оттисков. – Девушка вытащила из ридикюля сложенную газету и протянула номер его сиятельству. – А уже на следующий день здесь появился и мистер Донован Спарроу.

– Только на следующий день? – уточнил граф разворачивая лист со следами чуть смазанной типографской краски.

– Да, – кивнула мадемуазель Кеба.

– Он приехал из Генуи, или из Ниццы?

– Из Ниццы.

– Из Ниццы сюда приходит два поезда, дневной и вечерний.

- Так и есть, – подтвердил Андре.
- Судя по тому, что фотография в газете сделана в светлое время, Абдурахман-паша был пассажиром дневного поезда.
- Да, это вечерний выпуск, а снимок сделан днем.
- Стало быть, частный детектив упустил главного подозреваемого на целые сутки. Немалый срок. Прошу извинить, что перебил. Что же было дальше?
- Приехав в княжество, сыщик остановился в гостинице «Савойская башня».
- Небольшая гостиница возле горной дороги, – пояснил Андре. – Там в прежние времена останавливались те, кто ехал через наши земли из Франции в Италию и обратно.
- Мадемуазель Женестьева согласно кивнула:
- В самом деле, гостиница маленькая и публики там немного.
- Разумно, – кивнул граф Тарло. – Сыщику нет особой нужды привлекать к себе внимание.
- Я поговорила с портье, он утверждает, что мистер Спарроу появился там лишь однажды, когда снимал номер. Потом он присылал за вещами помощника с записками. Однако самих записок нигде нет.
- Как выглядел этот помощник? – спросил граф.
- Сутулый, с бакенбардами. Смотрел исподлобья.
- Замечательно. Что еще?
- Детектив заплатил вперед за целую неделю и сказал, что, быть может, продлит аренду.
- Граф кивнул.
- Я уговорила портье, и он позволил мне заглянуть в номер, – продолжила камеристка.
- И что?
- Ничего. Совершенно ничего. В номере мистера Спарроу нет никаких личных вещей.
- Вот как? Интересно. Есть еще что-нибудь, что нам следует знать?
- По распоряжению мадам Алисы я побывала в ювелирной лавке «Ларец Царицы Савской». Она принадлежит семейству Абрахам уже почти век. – Женестьева остановилась, собираясь с мыслями. – Не так давно прежний хозяин, Самсон, куда-то уехал, а вместо него приехал его двоюродный брат Самуэль, весьма благообразный немолодой человек. Я переговорила с ним, показала кое-какие безделушки, мол, хочу продать. Он назвал хорошую цену, но сказал, что сегодня ничего покупать не станет, поскольку заходит суббота. Он и впрямь производит впечатление человека, хорошо разбирающегося в своем ремесле. Тогда я пошла к другому ювелиру и между делом пожаловалась, что мне не удалось продать эти побрякушки месье Абрахаму. Тот сказал, что, в самом деле, месье Самуэль, хотя и, несомненно, мастер своего дела, не больно-то радеет об успехе лавочки. Что и мистер Самсон Абрахам, прежний владелец, не много продавал и покупал, однако у него всегда были отличные частные заказы. А тут – ни того, ни другого.
- Занятно, – протянул граф Тарло, – а вот интересно бы узнать, братья похожи между собой?
- Как утверждает мой новый знакомый, очень.
- И когда, как утверждает ваш знакомый, появился двоюродный брат господина Самсона Абрахама?
- Три месяца назад.
- Примерно в это же время я прибыл в княжество, – задумчиво подытожил граф. – Занятное совпадение. – Он поглядел на мадемуазель Киба: – Сударыня, у меня к вам есть необычный вопрос: чем вы подводите стрелки на веках?

Начало смеркаться. Андре велел кучеру остановить экипаж в неприметном проулке и оглянулся. Человек в расстегнутой на груди рубашке, в цветастой жилетке и котелке ждал, обло-

котившись о фонарный столб. Увидев фиакр, он поднял стоявший у его ног деревянный чемоданчик и шагнул навстречу.

– Пройдись-ка до поворота – скомандовал камердинер, и возница спрыгнул на брусчатку. – Проследи, чтобы никто сюда не сунулся.

– Вас тут так много, – скривился Донован Спарроу и надвинул поглубже котелок. – Ну, да ладно, к ночи меня уже здесь не будет. – Он приветствовал Тарло, его невесту и их юную спутницу. Вот, поглядите. – Он раскрыл чемоданчик, вытащил оттуда небольшую резную шкапулку и протянул графу. Тот заглянул внутрь и протянул ларец мадемуазель Киба.

– Вы разбираетесь в жемчуге? – удивился сыщик.

– Мои дед и прадед были ювелирами, я выросла в мастерской.

– О, достойно уважения!

Женевьева зажала жемчужину между двумя пальчиками, потерла и начала глядеть на просвет. Затем взяла еще одну жемчужину, потом наугад третью и четвертую.

– Поверхность чуть шершавая. Излишнего блеска нет. Зернышко на месте. Да, это жемчуг. Очень крупный. Безупречной формы. Прекраснейший розовый жемчуг.

Лейб-улан вытащил из-под сиденья саквояж и двумя руками протянул его детективу:

– Если желаете, можете пересчитать.

Сыщик приоткрыл его, заглянул внутрь и, довольный, закрыл:

– Я вам верю, ваше сиятельство, да и не в ваших интересах меня обманывать. – Он вложил саквояж в чемодан и закрыл замок. – Через десять минут вас будут ожидать в ювелирной лавке «Ларец царицы Савской». – Он приподнял котелок и вышел из фиакра.

– Действуем! – будто вспомнив эскадронные учения, скомандовал граф Тарло. – Андре сказал, что за лавкой действительно есть небольшой сад, туда ведет черный ход. Он обещал, что по улице, куда сад выходит, будет прогуливаться мадам Ле Блан. Пожалуй, это лучше, чем наряд полиции.

Граф вытащил серебряные часы, звякнул крышкой, поглядел на стрелки, затем на камердинера:

– Войдем через восемь минут. Не будем давать противнику фору для разворачивания боевых порядков.

– Как прикажете, ваше сиятельство.

– Дорогая, вы с Женевьевой возвращайтесь в отель, – продолжил граф.

– Вот еще!

– Это может быть опасно!

– Но вы же нас защитите?!

– Преступники могут быть вооружены револьверами, помещение маленькое, невесть что может случиться.

Мадам Алиса поджала губы, но вернувшийся кучер уже занял место на козлах и раскрутил над головой бич.

Ювелир сидел за работой. Небольшой столик позади стойки освещался яркой электрической лампой Эдисона-Суона.

– А, это вы? – увидев в дверях гостей, проворчал он.

– Наш друг сказал, что вы могли бы...

– Да, мог бы. Зачем об этом кричать на всю улицу? Прямо скажу, это не то, чего мне хотелось всю жизнь. Но кому интересно, что я хочу? Давайте, что вы там принесли.

Граф подал знак. Андре приблизился и поставил на стол перед мастером Абрахамом резную шкапулку. Тот приоткрыл ее, тяжело вздохнул и кивнул, потряхнув длинными завитыми локонами:

– Да, я уже видел прежде этот жемчуг. – Он закрыл крышку, точно опасаясь прикоснуться к сокровищам. – Полагаю, вы не станете интересоваться здоровьем моей покойной тещи, и мы сейчас уже говорим о ста тысячах франков? Это не так много. Я с этого получу очередную уйму седых волос и свою пару копеек. Сами подумайте: жемчугу нужна достойная оправка, чтобы все видели, какое там сокровище, а теперь еще, чтобы никто не мог разобрать, какое именно. Вы дадите пятьдесят тысяч сейчас и еще пятьдесят, когда я закончу работу.

Он поднялся, опираясь на крючковатую палку, положил локоть на стойку и согнутым пальцем поманил к себе графа.

– Вот, что я вам скажу. Я прекрасно знаю этот жемчуг, мне не нужно его мерять, и я не хочу, чтобы, пока суд да дело, он лежал здесь. Это как носить в карманах мед. Очень вкусно, очень грязно, может слипнуться, и в любой момент тебя могут ужалить. Оно мне надо? Можете хранить ваши сокровища у себя, или, если пожелаете, абонировать сейф в банке. Через неделю, когда все остальное будет готово, я возьму у вас эти жемчужины. – Он взял со столика ларец, поставил на стойку. – Половина денег сейчас, половина, когда будете уже забирать заказ. По моему, это честно.

– Да, вполне. – Граф Тарло достал бумажник, вытащил пачку купюр и положил на стойку.

– Знаете ли, деньги любят счет. – Мастер Абрахам протянул ладонь.

– И чистоту, – жестко объявил Тарло, хватая ювелира за мизинец, выворачивая и резко подавая его вниз.

– Что вы делаете? Что это за шутки?

– Почтеннейший Абдурахман-паша, или лучше называть вас Донован Спарроу или служащим мистера Прагоса? Может, вы и сами забыли свое настоящее имя, но у вас на руке тушь, которой я испачкал ручку саквояжа с деньгами.

Крючковатая трость врезалась графу в лоб, и сноп искр брызнул из его глаз. С неожиданной резвостью старый ювелир метнулся к черному ходу. Андре попытался ухватить его за длинную бороду. Мастер Абрахам взвыл, рванулся, и борода осталась в руках у камердинера.

– За ним! – с трудом поднимаясь с пола, закричал Тарло.

Андре перескочил через стойку, но «старый ювелир» уже скрылся за дверью. Щелкнул засов. В несколько ударов Андре вышиб дверь и ринулся вслед убегающему. Спустя несколько минут граф, едва держась на ногах, выбрался в сад. Андре стоял, недоуменно глядя в сторону моря.

– Где он?

– Прыгнул в море, – понурившись, сообщил камердинер. – Мы думали, он уйдет через сад, а у него там подземный ход. Безумный! Утонул, я думаю.

– Безумный? Не так уж он и безумен, – заметил граф Тарло. – Он все хорошо спланировал, даже красиво... Мы вполне могли попасться в его западню. Как он едва глянул на жемчуг, и тут же вернул его нам! Блестящий трюк!

– И что?

– Андре, когда старик оперся на стойку, он перекрыл нам обзор. И ты, и я знали, что там, внизу, на столике стоит резная шкатулка с жемчугом. И что он не касается ее руками. Но ни ты, ни я не видели ее. В этот самый миг ювелир нажал скрытую под столиком педаль. Крышка стола повернулась вокруг оси, и вместо шкатулки с настоящим жемчугом мастер попытался вернуть нам вот это. – Граф развернул ладонь, показывая обломки чего-то белого с поблескивающими краями. – Это алебастр, покрашенный несколькими слоями розового перламутра. Не так давно некий господин Эдвард Хош открыл мастерскую по производству такого жемчуга здесь, поблизости, на острове Майорка.

Мы бы наивно полагали, что, получив пятьдесят тысяч, ювелир старательно работает над оправой, и то, что он не хочет хранить у себя жемчуг – лишь очевидная предосторожность. В этой истории вообще было слишком много очевидного. Слишком много. Множество персо-

нажей, совершенно не похожих друг на друга. Но никогда мы не видели двоих в одно и то же время. Один исчезал, другой появлялся.

А их лица... как бы человек ни пытался загримировать свое лицо, несколько точек на нем остаются неизменными. И у этого «старика» были те же самые точки, что и у мистера Спарроу. Он успел переодеться и устроить маскарад, но не успел вымыть руки. Так что можно не сомневаться, если бы спустя неделю мы пришли сюда, увидели бы, что лавка закрыта, или у нее новый владелец. Мы бы наивно полагали, что пятьдесят тысяч, которых «ювелир» еще от нас не получил – надежная гарантия, потому что он ведь никуда не денется, пока их не получит. Но против нас играл опытный картежник, он знает, когда нужно брать карты, и когда сбрасывать. Мы бы сохранили этот «хвостик», а он бы увел все остальное.

Уже много позже, когда его бы и след простыл, фанфарон-граф и его вздорная невеста выяснили бы, что их одурачили. Но не побежали бы в полицию – жемчуг-то краденый. Не знаю, кто играл против нас на самом деле, но он все отлично продумал и подготовил. И то, что мы его не до конца просчитали – впредь нам урок.

– Надо доложить мадам Ле Блан. Она ждет там, на улице. – Андре махнул рукой в сторону каменного забора. – В конце концов, все прошло довольно удачно – мы ничего не потеряли, деньги целы, жемчуг в наших руках. Если не считать вашего разбитого лба...

– Мой разбитый лоб позволит отложить день свадьбы, и это тоже удача, – усмехнулся Тарло и вдруг напрягся. – Погоди, там что-то блеснуло!

– Где? – удивился Андре.

– Вон там, в море.

– Это закатное солнце на волнах.

– Может быть, и так. Но мне кажется, это перископ...

Дело третье. Русалка

Загадочные тени скользили по нежному лицу мадам Алисы. Она шла, прикрываясь от яркого полуденного солнца кружевным зонтиком. Чуть приотстав, за ней следовала верная камеристка. Идущие навстречу мужчины бросали на баронессу заинтересованные взгляды. Те из них, что сопровождали дам, благоразумно опускали глаза или с досадой отводили взгляд в сторону покачивающихся у пирса яхт. Алиса рассеянно улыбалась, как будто всеобщее восхищение нимало не занимает ее. Она остановилась возле одного из легких корабликов. Загорелый мужчина средних лет возился на корме.

– Простите, месье, вы хозяин этой милой шхуны?

– Это не шхуна, мадам, это бермудский кеч, – не оборачиваясь, кинул мореход. Затем обернулся и добавил куда мягче: – Да, я его владелец. Чем могу служить?

– Как вас зовут, месье?

– Мишель.

– Мне вздумалось совершить прогулку, Мишель. Со мной моя камеристка. – Она указала на спутницу, стоявшую чуть в стороне с чемоданчиком в руках.

– Когда пожелаете. Всегда к вашим услугам, мадам в любое время дня и ночи. Я беру...

– Вот и договорились. Цена не имеет значения. Если вы не против, мадемуазель Женевьева останется с вами, а я еще отдам некоторые распоряжения и скоро вернусь.

– Я тут почти закончил. Скоро сможем отплыть, сударыня.

Спустя минут сорок мадам Алиса вновь появилась на пирсе, сопровождаемая грузчиками, несущими три чемодана.

– Куда ставить? – поинтересовался один из носильщиков, остановившись возле пришвартованной яхты.

Хозяин суденышка в недоумении уставился на даму:

– Что это?

– Мои вещи, – дернула плечиком она и легко взбежала на борт. Затем, дождавшись, когда чемоданы будут перенесены в каюту, сунула в руку прислуги купюру. – Можем отплывать!

Мишель что-то крикнул единственному матросу, резво вставшему у штурвала, и начал возиться со швартовыми. В это самое время Женевьева уже докладывала подруге:

– Тридцать два года, женат, трое детей. Яхта принадлежит ему, однако он еще выплачивает банку, осталось чуть меньше двухсот тысяч.

– Что ж, это хорошо, – тихо проговорила баронесса. – Значит, не откажется от хорошего вознаграждения за крошечную прогулку.

В этот миг легкий корабль приподнялся на волне и скользнул от пирса. В каюту сунулась голова капитана.

– Прошу извинить мое любопытство, сударыня, просто хотел бы понять, что означают эти чемоданы.

– Я же сказала, это мои вещи.

– Вы что же, намерены здесь жить? Или полагаете отправиться в кругосветное путешествие?

– О нет, что вы? Дорогой Мишель, никаких кругосветных плаваний! Мы только прогуляемся по морю. Вы нас высадите в Генуе...

– В Генуе?! – переспросил капитан. – Но «Шалунья» не может идти в Геную. Для захода в итальянские или французские воды мне нужно иметь особое разрешение.

Мадам Алиса сделала такое расстроенное лицо, что хозяин кораблика едва не бросился искать носовой платок, чтобы утереть ей слезы.

– Ах, какая досада! Неужели совсем никак нельзя? – проворковала красавица. – У меня скоро свадьба, я хочу купить жениху подарок.

Мишель собрался было уточнить, к чему в таком случае чемоданы, но счел вопрос бестактным и промолчал.

– Я полагаю, как-то можно уладить это затруднение с помощью денег?

Ресницы баронессы затрепетали, и взгляд ее темных, как поздние черешни, глаз устремился на моряка, и сердце его растаяло, как айсберг в экваториальных водах.

– Мне придется заплатить большой штраф и здесь, и в Италии.

– Большой – это сколько?

– Пятьсот франков и там, и там.

– Хорошо, предположим. Если вам придется платить эти деньги, я вам их дам. Это кроме той тысячи франков, которые вы получите за нашу небольшую прогулку.

Мишель поперхнулся. Соглашаясь совершить прогулку, он раздумывал, стоит ли поднять этой несомненно состоятельной даме цену до трехсот франков, или оставить двести пятьдесят, как обычно.

– А если нас перехватит флагманский корабль его высочества?

– Какой еще корабль?

– «Посейдония»! – удивленно воскликнул хозяин суденышка. – Наш флагман! Только вчера он вышел из дока...

– В княжестве есть флагман?

– Ну конечно. Недавно его высочество купил себе в Британии корабль, которому назначено стать основой нашего военного флота. Правда, довольно старый и нуждавшийся в ремонте. Но ремонт уже закончен, и флагман как раз нынче утром вышел в море. На нем шесть картечных Гатлинга и минный аппарат, – с гордостью доложил капитан. – Водоизмещение сто пятьдесят тонн, паровая машина...

На лице пассажирки появилась гримаса невыразимой скуки.

– Дорогой Мишель, если мы встретимся с кораблем его высочества, переговоры с его высочеством я возьму на себя. А сейчас, если вы, конечно, не возражаете, я переоденусь и выйду на палубу.

Поймав свежий попутный, кеч скользил по лазурной воде залива, все больше отдаляясь от берега.

– Кажется, удалось, – проговорила Женевьева.

– Мадам Ле Блан собьется с ног, – усмехаясь, заявила баронесса. – Я отправила горничную в Ниццу на поезде, дала ей три полупустых чемодана, велела оставить их до востребования в камере хранения вокзала. Конечно, Колода ринется по следу, а когда выяснит, что в Ницце меня нет, будет поздно. – Мадам Алиса довольно потерла руки. – Итак, из Генуи отправимся в Рим. История с хлыщом Тарло, увы, провалилась с треском, но на нем свет клином не сошелся. Чем торчать в этом скучнейшем княжестве и таскать каштаны из огня для мерзкой троллихи, лучше уж потерять несколько тысяч франков. В Риме всегда найдется тот, кто нам их с радостью отдаст. Нужно будет поменять документы. Проверь, быть может, сумеем первое время использовать какие-нибудь из прежних.

– А Тарло все же был хорош, – вздохнула Женевьева. – Признайся, ты его недооценивала.

– Признаю, недооценивала. Но умный мужчина в нашем деле – совершенно неподходящая мишень. – Она повернулась к подруге спиной. – Застегни пуговицы на моем купальном костюме. Этот проstack должен сейчас думать только о своей карте и обо мне. А то ему в голову нет-нет, да и приходят здравые мысли. А это нам совершенно ни к чему. На всякий случай подстрахуй меня, возьми на себя рулевого.

Женевьева печально вздохнула и украдкой глянула в иллюминатор, за которым, уже едва различимый вдаль, виднелся скалистый берег княжества. Алиса вышла из каюты. Надувавший паруса ветер разметал ее волосы, она поправила их и собралась, было, подойти к капитану, когда тот вдруг напрягся, глядя вдаль, а затем заорал во все горло:

– Человек за бортом! Вон, вон там! – Он ткнул пальцем вдаль, где по правому борту действительно виднелась небольшая точка, то поднимающаяся над волнами, то исчезающая в них.

Хозяин яхты уставился в висевший у него на груди бинокль:

– Точно, человек! Это женщина!

– Вот только купальщиц нам здесь не доставало! – под нос себе пробормотала баронесса. – Интересно, как ее сюда занесло?

Она скорчила недовольную гримасу, но этого никто не заметил. Рулевой уже повернул яхту и, маневрируя галсами, повел суденышко к невесть откуда взявшейся купальщице. Алиса внимательно следила за происходящим. Неведомая девушка, похоже, вовсе и не собиралась тонуть. Она плыла, как ни в чем не бывало, умело рассекая воду длинными гребками.

– По-моему она и не думает тонуть. И, как ни странно, не похоже, что нуждается в помощи, – глядя на девушку, скривила губы баронесса.

– Может быть, и так, мадам. Но по правилам я обязан лично убедиться в этом. Обещаю вам, если ей и впрямь не нужна помощь, мы тут же продолжим свой путь.

Раздосадованная Алиса отвернулась. На этот раз, похоже, капитан был непреклонен. Спустя несколько минут кеч подплыл к пловчихе.

– Нужна ли вам помощь, сударыня? – И тут же, перебив самого себя, выпалил: – Матерь Божья! Святая Дева! Русалка!

Алиса удивленно повернула голову и замерла, отказываясь верить своим глазам. Рядом с бортом «Шалуньи» в воде плескалось существо, и впрямь чрезвычайно напомилавшее русалку, как ее рисовали в старинных книгах. Впрочем, не совсем. Баронесса фон Лауэндорф пригляделась к неведомому существу. Не нужно было быть профессором антропологии, чтобы понять: существо человекообразное и определенно женского пола. Мокрые черные волосы лежали на спине и плечах, однако не скрывали небольшой девичьей груди. Линии мелкой чешуи, покрывавшей длинный рыбий хвост, тянулись выше, и на руках переходили в нечто вроде перчаток, напоминающих пальцы, но с перепонками между ними. Лицо русалки без преувеличения можно было назвать красивым, но красота ее была странной, невиданной в этих широтах. Чрезвычайно смуглый цвет кожи и непривычный разрез глаз делали бы ее существом экзотическим и без серебристого хвоста.

– Помощь?! – на довольно чистом французском, но все же с заметным акцентом переспросила морская дева, чем повергла в шок всех присутствующих. – Да, пожалуй. Я и весь мой народ будем благодарны вам за помощь. Уверена, и ваш тоже. – Покачиваясь на волнах, она сняла с шеи длинную серебряную капсулу, покрытую затейливой чеканкой. – Доставьте к берегу вот это.

– Здесь какие-то гербы, – Алиса с интересом вгляделась в капсулу.

– Да, – кивнул Мишель. – И среди них герб нашего князя. Хотя скорее не его, а чей-то из его предков.

– Прадеда, – добавила из воды русалка. – Прошу вас, доставьте это как можно скорее.

– Быть может, вы составите нам компанию? – предложил Мишель, протягивая руку.

– Нет. И не нужно касаться меня! – Русалка ушла под воду, затем вновь появилась чуть в стороне от кеча. – Завтра я буду ждать вас в полдень здесь же.

– Как здесь же?

– Очень просто. – Девушка улыбнулась и ушла в глубину.

Несколько минут хозяин «Шалуны», не отрываясь, глядел туда, где скрылось из виду диковинное существо.

– Проклятье! – себе под нос пробормотал он. – Ни одному человеку не продержаться так долго под водой. Верно, это не розыгрыш. Не могла же она такого нагородить лишь для того, чтобы утопиться?! – Он повернулся к рулевому: – Ложимся на обратный курс.

– Что вы, Мишель, какой обратный курс? А как же Генуя? Мы же обо всем договорились!

Капитан поглядел на пассажирку с нескрываемым удивлением:

– Сударыня, в кои-то веки русалка решилась показаться людям, да еще и заговорить с нами! Вам посчастливилось быть одной из тех, кто видел это своими глазами. Какая Генуя? Ваш жених переживет, если вы не купите ему запонки или другую безделицу именно сегодня. Такое чудо случается один раз в жизни, и то не со всеми! Мы возвращаемся!

Граф Тарло поглядел на карты: «Здесь нужна дама. И лучше всего пиковая». В его голове сами собой зазвучали аккорды оперы Чайковского. Он поднял указательный палец, и банкующий сбросил ему одну карту. В этот момент дверь распахнулась, и открывший ее лакей едва успел посторониться, как, словно линейный крейсер в мирно дремлющую бухту, в зал вплыла Алиса фон Лауэндорф. Тонкие брови ее были сведены над переносицей, щеки пылали гневом.

«Это еще что за приступ внезапной страсти? – подумал Тарло и взял с зеленого сукна карту. – Так и есть, дама. Расчет верный».

– Я так и знала, что ты здесь. – Баронесса направилась к столу.

– Конечно, в это время я всегда здесь, – не отвлекаясь от карт, кивнул граф и придвинул к центру стола грудку купюр. – Ва-банк! Вскрываемся, господа.

– Сегодня мог бы быть там, на берегу!

– Это было бы странно. Время игры. – Он удовлетворенно глядел на выкладываемые его противниками карты. Две пары. Три тройки. Всякая мелочь.

– Сегодня можно было бы и пропустить игру.

– Солнце встало над здешними скалами, как над стенами Иерихонскими? – не отводя глаз, он следил, как появляются на зеленом сукне новые карты.

– Дорогой, отойдем на пару слов.

– Я так понимаю, где-то на окраине лопнул меридиан и без меня его никак не связать?

– Ты близок к истине, отойдем.

– Прошу прощения, господа. – Граф Тарло положил карты рубашками вверх. – Я буквально на минуту.

Играющие недовольно поглядели на очаровательную невесту графа и нехотя кивнули.

– Мадам, что стряслось? Вы видите, я играю?!

– Вы что, на Луне тут все?! – возмутилась Алиса. – Там в море – русалка!

– Это должно меня волновать? В этом княжестве нет закона, запрещающего русалкам находиться в море.

– Ты меня не слушаешь? Еще раз – там русалка, сверху женщина, снизу – рыба!

– Прекрасно. Это распространенный случай. Если бы снизу была птица, было бы куда более странно. Но все равно – русалок не бывает.

– Я видела ее, вот как сейчас тебя.

– Это чья-то дурацкая шутка! Если твоя, то вдвойне дурацкая. Я только начал по-настоящему играть. Сейчас выиграю пятьдесят тысяч.

– Я сама видела ее в море!

– Хорошо, ты видела ее в море, я тебе верю. В конце концов, почему в цирке уродов Барнума могла быть русалка, а в море нет? Насколько я помню, сам Барнум отлавливал их у островов Фиджи. Когда цирк Барнума выступал в Париже, я видел мумию этой твари. Мерзкое

страшилище, похожее на обезьяну и тунца одновременно. А теперь, если не возражаешь, я вернусь к игре.

– Владимир, она была красива. Во всяком случае, в верхней части.

– Дорогая, оставим верхнюю часть красоты до после игры.

Алиса фыркнула и быстрым шагом направилась к выходу.

– Еще раз прошу извинить меня. – Тарло вернулся к столу. – Итак, господа, туз пик, король пик, дама пик, валет... ну и в довершение всего – десятка. С вашего позволения – роял-флэш. – Граф придвинул к себе лежащие в центре стола купюры. – Желаете продолжать? – В этот миг дверь зала вновь открылась, Владимир поглядел и с досадой бросил: – Увы, похоже, мне все-таки придется на время прерваться.

К столу, ловко маневрируя между собравшимися, пробирался Андре.

– Что-то стряслось? – недовольно глядя на него, поинтересовался граф.

– Срочная депеша, ваше сиятельство!

– Прошу извинить, надеюсь, позже я вернусь к игре. Забери это. – Тарло указал камердинеру на деньги и, пробормотав себе под нос: «Что за день такой, право слово!», – направился к выходу.

Андре указал на дверь кабинета.

– Нам сюда.

Тарло пожал плечами. Судя по начищенной до блеска табличке, кабинет принадлежал главному распорядителю игорного дома.

– Прошу, ваше сиятельство. – Камердинер приоткрыл дверь. За массивным резным столом, подобно сфинксу возле пирамид, высилась Мари Ле Блан. Рядом в чиппендейловских креслах сидели баронесса и ее камеристка.

– Только не говори мне, что речь пойдет о русалке, – оборачиваясь к Андре, проговорил граф.

– О ней, осмелюсь доложить.

Тарло вздохнул и переступил порог.

– Присаживайтесь, граф, – пророкотала мадам Ле Блан. – Андре, и ты не стой в дверях. Я собрала вас здесь...

– ...чтобы сообщить пренеприятнейшее известие, – пробормотал Тарло.

– Пренеприятнейшее известие? – удивилась хозяйка кабинета. – Отчего же? Ничуть. Скорее хорошее. Ваша очаровательная невеста рассказала нам о встрече с русалкой.

– Мадам, в Пажеском корпусе, где я имел честь учиться, был замечательный преподаватель естественных наук. Так что я готов с большим интересом выслушать любые легенды о русалках, кентаврах, грифонах и прочих обитателях бестиариев. Но не просите, чтобы я принимал их всерьез.

– Тем не менее, граф, происшествие заслуживает внимания. Мадам Алиса своими глазами наблюдала существо, чрезвычайно похожее на русалку. Завтра оно назначило встречу в открытом море. Кстати, баронесса, – шеф тайной службы принца устремила суровый взгляд на красотку, – я вынуждена предостеречь вас от очередных попыток сбежать.

– Кто вам сказал, что я намеревалась сбежать? Это была небольшая морская прогулка.

– Именно так, именно так, – кивнула мадам Ле Блан. – Однако наперед знайте, русалка спасла вас от больших затрат. Пройди вы еще милю, и наперерез вам был бы выслан флагман его высочества. А оплата израсходованного угля впоследствии была бы вычтена из денег, отпущенных на ваше содержание.

Алиса в негодовании поджала губки, но анонимная купальщица не удостоила внимания ее выразительную гримасу.

– Итак, русалка передала верительную грамоту, в которой говорится, что она дочь повелителя Атлантиды и уполномочена наладить дипломатические отношения между обитателями суши и жителями морских глубин.

– Бред какой-то! – хмыкнул Тарло.

– Мне очень важно мнение вашего сиятельства, однако вы его выскажете потом. А сейчас прошу меня не перебивать. Я только что от его высочества. Бумага соответствует всем правилам дипломатического протокола, но что особенно занятно, так это футляр, в котором она была доставлена. Вы его видели, сударыня, – она повернулась к Алисе.

– Да, изящная безделушка.

– Весьма, – подтвердила Мари Ле Блан. – Она была изготовлена в середине XVIII века и предназначалась для нашего посланца в Венеции. Корабль вышел из порта в 1789 г. Но около берегов Сицилии он попал в шторм и затонул, как утверждалось, на глубине около пятидесяти метров. Не буду вдаваться в подробности, но из-за того, что эта «безделушка» не достигла цели, французы оккупировали наше княжество. Архивариус его высочества принес даже эскиз, по которому заказывался серебряный футляр. Как вы, несомненно, знаете, все предметы, которые заказываются казной, сейчас непременно фотографируются, а в ту пору зарисовывались. Так что можете не сомневаться, этот предмет больше века лежал на морском дне.

– Почему же не сомневаться? Я вот как раз сомневаюсь. Человек с этим футляром мог спастись. Футляр могло вынести на берег приливом, он мог очутиться в шлюпке. Его мог заметить ныряльщик.

– Так могло быть, но шанс крайне мал.

Граф дернул плечом.

– Это уж как вам будет угодно. В конце концов, почему непонятная русалка и ее верительная грамота должны нас как-то занимать?

– Его высочество желает своими глазами удостовериться в существовании этого живого чуда. Если она и впрямь та, за кого себя выдает, можно не сомневаться, люди хлынут сюда потоком, а это, ясное дело, новые поступления в казну. Но мы не можем исключать, что эта более чем странная история может быть чьей-то аферой. В таком случае необходимо загодя принять меры.

– Я совершенно уверен, что это афера, – скривил губы граф Тарло.

– Вполне согласна, – поддержала Алиса. – С первого взгляда эта русалка показалась мне крайне подозрительной.

– Это прекрасно, что вы единодушны. Завтра вы, месье, и вы, мадам, отправитесь вместе со мной и его высочеством на торжественную встречу. Андре, ты знаешь, что делать. Мадемуазель Женестьева...

– Собрать все, что известно о появлении русалок за последний десяток лет.

– Вот именно, а лучше даже больше. А кроме того, выяснить, занимается ли ими кто-нибудь в Европе, что на сегодняшний день говорит научная мысль о встречах с русалками.

Девушка кивнула.

– А теперь до завтра, не смею вас задерживать.

В этот день самый большой, впрочем, и единственный корабль его высочества «Посейдония» вполне мог почувствовать себя флагманом. Едва, дымя трубой, он вышел в море, вслед за ним увязалась настоящая эскадра яхт и лодок всех размеров. Граф Тарло стоял на палубе флагмана, опираясь на планшир фальшборта, еще под впечатлением сцены, разыгравшейся только что на берегу. Его дорогая невеста, как водится, обворожительно улыбаясь, неспешно шла по набережной к сходящим «Посейдонии», когда людской поток, будто щепку, подхватил ее и понес, сжимая и не выпуская из тисков спешащей к яхтам публики. Заметив у трапа Тарло,

она взмахнула кружевным зонтиком. Тот с помощью Андре быстро пробился к Алисе, но та уже клокотала, как Везувий.

– Это невысказано! – возмущалась она. – Эти люди едва не затоптали меня, они не обращали на меня внимания! И все из-за чего!? Из-за того, что какая-то мошенница прилепила селедочный хвост и нагишом купается посреди моря!

– А если она и впрямь русалка?

– Владимир, я говорю тебе, она – мошенница!

– А вдруг?

Мадам Алиса поджала губы и развернулась:

– Я возвращаюсь в отель.

– Это невозможно. Публика валит валом. Тебя просто сомнут.

– Тогда изволь проводить меня в каюту.

– Это военный корабль, здесь нет отдельных кают для пассажиров. Пожалуй, только адмиральская для самого принца.

– Вот туда и проводи! – Она решительно начала подниматься на борт. – Несомненно, принц – джентльмен, и не станет прогонять даму.

Он видел ошеломленное лицо монарха и его свиты, когда Алиса появилась на пороге. Выгонять ее действительно не стали. Граф не успел додумать мысль. Впередсмотрящий закричал с мачты:

– Вижу русалку!

На капитанском мостике тут же прозвучала команда «Стоп машина!», и флагман лег в дрейф. Капитан командовал подготовить к спуску вельбот, и его высочество, сопровождаемый парой не то царедворцев, не то генералов в расшитых золотом мундирах, церемонно спустился по трапу.

Алиса появилась рядом с женихом и, демонстративно не обращая внимания на плескавшуюся в синем море русалку, на яхты, окружавшие ее широким полукольцом, на вспышки расставленных на треногах многочисленных фотоаппаратов, зашептала:

– Я тут разузнала такое! Оказывается, в давнюю пору один из предков нынешнего принца обольстил местную девушку. Та прокляла его род, сказав, что отныне никто из его потомков не узнает семейного счастья, и после этого бросилась в море и превратилась в русалку. Представляешь?! Они всерьез считают, что эта русалка может быть связана с той.

– Ты не шутишь?

– Ни в малой степени.

– Уму не постижимо! Конец XIX-го века! Наука открыла едва ли не все, что можно открыть! И вдруг такое! Ладно, посмотрим, как пройдут переговоры.

Между тем матросы, по команде слитно взмахивая длинными веслами, приблизились к ундине. И она, не дожидаясь официального приветствия, заговорила. Голос ее звучал необычно, и, хотя ее французский язык был не слишком чистым, речь была вполне понятна.

– Я обращаюсь к вам, люди земли! Мой отец и его двор полагают, что современное человечество достигло такого уровня развития, чтобы на равных вступить в контакт с нами. Уже очень давно мы одарили толикой познания народы по обе стороны океана. И теперь рады видеть, что брошенные нами зерна дали всходы. Теперь пришло время вам узнать, что жизнь для людей возможна не только на суше, но и под водой. Богатства подводного мира неисчислимы. То, из-за чего люди готовы проливать кровь на поверхности земли, в нашем царстве вообще не считается сколько-нибудь ценным. Вы сможете узнать столько нового, что ни одна ваша академия не сможет в ближайшие годы осмыслить и применить всего, что вам станет известно. Скоро жизнь всех и каждого из вас изменится к лучшему, и новый век станет веком благоденствия!

Внимавшая затаив дыхание публика взорвалась аплодисментами и приветственными криками. Стремительный вельбот приблизился к русалке, и его высочество, приосанившись, сообщил, как счастлив от имени человечества приветствовать высокое посольство. Он протянул ей руку и фотографии, набросив покрывала на головы, прильнули к своим камерам. Русалка отрицательно покачала головой.

– Мадам, – сконфуженно начал объяснять ей один из увешанных звездами царедворцев, – у нас так принято, это жест добросердечного приветствия.

– О нет! – воскликнула было морская дева.

Но царедворец уже прикоснулся к ней. Сопровождаемый треском разряд тока заставил галдевшую публику умолкнуть, а затем слитно охнуть. Вельможа тут же вылетел за борт. Ловкие матросы вельбота едва успели схватить его за ворот и втащить обратно.

– Вы не должны прикасаться ко мне! – с печалью в голосе пояснила русалка. – Как не можете прикасаться к электрическому скату. Оставьте эти попытки и выслушайте меня. Если вы готовы стать нашими друзьями, я вернусь сюда же через три дня и расскажу, что вам нужно будет сделать, чтобы я смогла сопроводить вас в подводный дворец моего отца. – Она взмахнула руками, приветствуя собравшуюся публику, и тут же ушла в глубину, шлепнув по воде хвостом.

– Ну, как тебе представление? – Граф Тарло повернулся к Алисе.

– Я не смотрела! Чего я там не видела?! Селедка как селедка, только говорящая!

– Ну, положим, ты не права. Верхняя часть ее очень даже привлекательна. Нояю другом. Почему три дня?

– Все это время она будет наносить косметику. В воде тушь размазывается.

– Я все же думаю, тут что-то другое. Остается узнать, что именно.

Мадам Ле Блан сидела за столом, казалось, сделанным специально для нее. Бронзовый чернильный прибор изображал отменно мускулистого Геракла, опиравшегося на суковатую палицу. Он стоял на скале, глядя из-под руки куда-то вдаль, должно быть, морскую. Львиная шкура защищала его от свежего бриза. Скорее всего, палица его была изготовлена из ствола росшего здесь же дуба. Во всяком случае, у подножья утеса виднелся пенек, в котором и содержались чернила.

Андре подал ей на подпись несколько бумаг. Мари с явным трудом ознакомилась с содержанием, кивнула, подписала и, велев помощнику скорее возвращаться, обратила взгляд на сидевшую перед ней троицу.

– Итак, ваше мнение?

– Она мошенница! – выпалила Алиса.

– Есть аргументы?

– Моя женская интуиция.

– Это ценно. Однако мы не можем планировать действия, опираясь только на чувства. Тем более, похоже, она просто бесит вас, потому что из-за нее на вас стали меньше обращать внимания.

– Уверю, если вы не поверите мне, то жестоко поплатитесь.

– Полагаю, это не угроза, – усмехнулась анонимная любительница купаний. – Пока можно констатировать: невероятный ажиотаж, вызванный появлением в наших водах русалки, приносит княжеству немалую выгоду. Желających посетить нашу страну так много, что железная дорога пустила по одному дополнительному поезду из Ниццы и Генуи. У пирса не протолкнуться, гостиницы переполнены, казино и игорные дома тоже. Сама же морская гостья ничего не требует, лишь предлагает.

– Мадам, вы сами-то верите, что это настоящая русалка, – поинтересовался Тарло.

Мари Ле Блан пожала плечами:

– Его высочество верит. А я видела то, что видела. У вас есть серьезные основания полагать, что мы имеем дело с мошенничеством?

– Одно то, что мы говорим о русалке, уже свидетельствует об этом.

– Это не довод. И послушайте меня, ваше сиятельство, и вы, милые дамы, если никаких весомых доводов нет, сегодня вечером вы отправляетесь работать в игорные залы. Ожидается прибытие августейших особ, нужно тщательно проверить, чтобы там не оказалось каких-нибудь авантюристов и шулеров. Иначе сраму не оберемся.

– Ожидается приезд августейших особ?

– Да. Намерена приехать принцесса Виктория, дочь принца Уэльского Эдуарда. Изъявил желание посетить нас принц Альберт, граф Фландрский. Сегодня утром уже прибыла дочь герцога Баварского. Кстати, граф, быть может, прибудет и ваш знакомый – великий князь Михаил Александрович, младший брат вашего государя.

Граф Тарло задумался в поиске новых доводов – встречаться с великим князем Михаилом ему совершенно не хотелось. Он помнил цесаревича четырнадцатилетним, когда по поручению тогда еще живого государя-императора Александра III обучал возможного престолонаследника вольтижировке. Вряд ли новое свидание в это время и в этом месте могло принести им радость.

– Это, конечно, не довод, – начал он, глядя на бронзового героя, едва прикрытого львиной шкурой, – но один из самых распространенных шулерских приемов – позволить взятому в оборот простаку выиграть довольно крупную сумму, а уж затем раздеть его до нитки.

– Не думаю, что в данном случае это может получиться, – хмыкнула госпожа Ле Блан.

– Признаться, не встречал ни одного человека, который так думал, пока выигрыш шел ему в руки. Скажу больше, – усмехнулся Тарло, – полбеда, если мы имеем дело с обычными мошенниками, тут уж, как говорится, бог дал, бог взял. А если это какая-то хитрая затея террористов? Скажем, во время общения с русалкой подойти на подводной лодке, прикрепить к борту яхты мину и, отойдя на безопасное расстояние, взорвать. Вы зря улыбаетесь, мадам. Такое потаенное судно было построено в России более полувека назад. Я читал работу по этому поводу генерал-лейтенанта Константинова, а с тех пор наука шагнула далеко вперед.

– Хорошо, – кивнула Мари Ле Блан, – считайте, что вы меня убедили. Безопасность августейших особ должна быть обеспечена.

Граф Тарло глядел на задумчивого Геракла. Не так давно он вот так же стоял на этом самом утесе и глядел на море. Что тогда увидел он? Отблеск вечерней зари на волнах, как утверждал Андре, или все-таки перископ подводной лодки?

В это миг в кабинет вошел Андре с увесистой стопкой свежей корреспонденции.

– Европейские и американские газеты пестрят сообщениями о том, что мы вошли в дружественный контакт с подводной цивилизацией. Во многих расписываются проекты невиданных подводных кораблей. Парижский изобретатель Гаспар Делоне, брат основателя автомобильной компании «Делоне-Бельвиль», заявил, что у него есть свой проект, и предлагает учредить целый фонд для постройки субмарины. Он готов вложить изрядную сумму. Миллион франков.

– Интересно, очень интересно, – кивнула мадам Ле Блан, потирая руки. – Насколько я помню, фирма «Делоне» занимается паровыми котлами. Автомобили – это уже недавнее ответвление. Что еще нового?

– Во дворец пришла телеграмма от некоего профессора Элиота Маклеода. Он просит забронировать ему номер поближе к морю...

– Во дворец? Почему во дворец?

– Представления не имею, – пожал плечами Андре.

– А кто такой этот Маклеод? – спросила хозяйка кабинета. Ее подручный молча покачал головой.

– Достопочтенный Элиот Маклеод сделал имя, утверждая, что так называемые мифические существа – единороги, драконы и, в том числе, русалки существовали в реальности. Двенадцать лет он преподавал в Эдинбургском университете, однако пять лет назад получил наследство и уехал на остров Скай, где продолжает исследования. За прошлый год статьи о русалках в газетах встречаются четыре раза, из них три раза они принадлежат Элиоту Маклеоду, еще одна – это дискуссия вокруг статей все того же профессора.

– Bravo, мадемуазель Женевьева, хорошая работа! – довольно кивнула Мари Ле Блан. – Но почему он пишет во дворец?

– Профессор чудаковат. А кроме того, он истинный представитель клана Маклеодов: числит себя потомком Олафа Черного, короля острова Мэн. Возможно, он искренне считает, что, подобно всем августейшим персонам, имеет неотторжимое право обращаться к его высочеству напрямую, как равный к равному.

– Действительно, большой оригинал. – Госпожа Ле Блан поглядела на Андре. – Когда он прибывает?

– Завтра. Он дал телеграмму из Парижа, извинившись, что не прибыл раньше. В Северном море ужасно штормило.

Граф Тарло задумчиво поднял брови:

– Вот как? Завтра как раз третий день.

– Ты думаешь, он имеет какое-то отношение к преступному миру?

– Представления не имею. Я просто сопоставляю факты и стараюсь найти взаимосвязь между ними. Привычное занятие всякого уважающего себя офицера.

– Хорошо, нам пока не ясно, что это за профессор. А скажи-ка, пан Владзимеж, у вас в Пажеском Корпусе преподавали английский язык?

– Да. Я лучше успевал во французском и немецком, однако по-английски говорю вполне пристойно.

– Вот и отлично. Ты будешь переводчиком при беседах его высочества с этим странным профессором. А при случае – телохранителем, мало ли что у того на уме.

– Но я никогда...

– Вопрос решенный, – подытожила Мари Ле Блан. – И потрудитесь своевременно докладывать мне свои соображения.

Собравшаяся на перроне благородная публика ахнула. Из вагона первого класса вышел человек диковинной породы, вероятно, прежде не виданной в этих южных краях. Его короткие руки поддерживали объемистое чрево, обтянутое белоснежной рубашкой, застегнутой на все пуговицы. Черный смокинг едва сходил на животе, так что казалось, незнакомец придерживает единственную застегнутую пуговицу, чтобы та не оторвалась. Рубаху украшала темно-бордовая элегантная бабочка. Но из кармана смокинга торчал уголок клетчатого, дико безвкусного платка. Бакенбарды отличались таким ярко-рыжим оттенком, что лицо гостя, казалось, объято пламенем. Но главное, что сразило наповал жителей княжества, были мускулистые ноги, торчащие из-под сине-зеленой клетчатой юбки.

– Э, да он по дороге сюда уже штаны проиграл! – радостно выкрикнул кто-то из местных остроумцев.

Но диковинный господин даже ухом не повел. Он гордо шел по перрону, широко улыбаясь летнему солнцу. Вслед за ним, будто в опровержение версии о проигранных штанах, катились две тележки носильщиков, груженные десятком увесистых на вид чемоданов. В какой-то момент одна из тележек резко затормозила, и один из верхних чемоданов едва не упал. Приезжий тут же завопил благим матом.

– Что он говорит? – поинтересовалась Мари Ле Блан, наблюдавшая за происходящим через окно кабинета начальника станции.

– Кричит, что в чемоданах ценнейшее оборудование. Если по вине негодяя хоть что-то будет испорчено, он лично потребует, чтобы его высочество засадил криворукого грузчика в тюрьму.

– Экий пряткий! – хмыкнула мадам. – Ладно, граф, ступайте, приветствуйте нашего ученого гостя. Экипаж ждет, я распорядюсь доставить поклажу в вашу гостиницу. Лучше, чтобы он находился под присмотром.

– Разумно.

– После беседы с его высочеством жду вас с докладом.

Граф Тарло вышел из здания вокзала и поспешил навстречу шотландцу:

– Добрый день. Если не ошибаюсь, вы мистер Элиот Маклеод?

– О да, да! – закивал головой приезжий.

– Мне поручено доставить вас во дворец. Прошу следовать за мной. О вещах не беспокойтесь, их доставят в гостиницу.

В этот миг Тарло показалось, что как-то вдруг резко потемнело, будто на безукоризненно синее небо Адриатики вдруг набежали тучи. Он оглянулся и увидел высившегося над ним детину в длинном летнем плаще и симпатичного мужчину средних лет с изящными, чуть подкрученными усами и расчесанными на косой пробор черными волосами.

– Прошу извинить меня, месье, вы, должно быть, из числа приближенных его высочества?

– Можно сказать и так, – улыбнулся граф.

– Хорошо, что Ясон разглядел вас в толпе. – Незнакомец чуть склонил голову.

Верзила кивнул, будто подтверждая, что его зовут Ясон, и что именно он заметил Тарло. Впрочем, глядя на его мрачную физиономию, можно было усомниться, умеет ли он вообще говорить.

– Меня зовут Поль Волернуа, – отрекомендовался мужчина с усами, протягивая визитную карточку с гербом. – Я инженер, представляю интересы фирмы «Делоне-Бельвиль». Из Парижа вчера дали телеграмму, но к моему удивлению, нас почему-то не встречают. Хотя, казалось бы...

– О, вам не о чем волноваться. – Граф Тарло поманил стоявшего возле дверей вокзала Андре. – Эти господа отправляются вслед за нами. Распорядись подать экипаж.

Дверь кабинета затворилась за Тарло. Команда была в сборе. Госпожа Ле Блан, привычно сопровождая речь постукиванием трости, инструктировала мадам Алису.

– Наверняка этот профессор будет искать встречи с вами. Вы первая виделись с русалкой, ему будет интересно, что заметили, что слышали, на что обратили внимание. Работайте как обычно. Постарайтесь держаться поближе к этому толстяку. Ему, несомненно, польстит ваше внимание. И вы с вашим вниманием в его хвастовстве сможете найти золотые крупницы истины.

Тарло представил, как сейчас взовьется его невеста, возмущенная, что ради неведомых крупниц ей придется терпеть рядом с собой этакое нелепое чучело. Однако к его удивлению Алиса лишь молча кивнула, должно быть, ненависть к затмившей ее русалке принимала все более законченные формы.

– Присаживайтесь, граф, – заметив вошедшего, кивнула мадам Ле Блан. – Как поживает ваш подопечный?

– Доволен собой, – скривился Тарло. – Не скажу, что он очаровал принца, однако настолько ошеломил его рассказами о зафиксированных встречах с русалками в разных точках земли вообще и у берегов острова Скай, в частности, что его высочество дал ему карт-бланш на исследования в водах княжества и пообещал Маклеоду поддержку в его начинаниях.

– Не заметили чего-нибудь необычного?

Граф задумался.

– Пожалуй, да, кое-что занятное есть. Во дворце довольно прохладно, с моря дует ветер, однако все это время Маклеоду было жарко и душно.

– Он прибыл из Шотландии, там вообще значительно холоднее, чем у нас, – напомнила Мари Ле Блан.

– Это правда, – согласился Тарло. – Однако он постоянно утирал лоб и щеки клетчатým платком, затем засовывал его в карман смокинга.

– И что?

– Он комкал платок и засовывал его в карман, – отдельно негромко повторил граф, недоумевая, как может быть не понятен столь явный намек. – Маклеод приехал в поезде, где наверняка было еще более душно, чем во дворце. Но при этом на платформе платок в его кармане выглядел наглаженным.

– Ну, может, у него был другой, который он выбросил в поезде, – проговорила начальник тайной службы.

– Может, и так, – задумчиво согласился Владимир. – Хотя о шотландцах говорят, что они складывают обглоданные кости в надежде их выгодно продать.

– Еще что-нибудь странное? – ухмыльнулась собеседница.

– Да! – после недолгой задумчивости воскликнул Тарло, подобно Архимеду, когда тот вдруг обнаружил, что, когда он плюхается в ванну, вода оттуда выплывает. – Да, очень странное! У него безупречный английский язык.

– И что? Он же и прибыл из Англии.

– О нет, мадам, он прибыл не из Англии, а из Великобритании. Если более точно – из Шотландии.

– И что с того? – удивилась хозяйка кабинета.

– Мадам, я поляк, и мой родной язык польский. Однако в Царстве Польском я бывал считанные разы в своей жизни. Мой дед окончательно поселился в России, хотя он-то еще родился в Варшаве. Отец – уроженец Санкт-Петербурга, я тоже.

– Должно быть, все это ужасно интересно. К чему вы клоните?

– В моей речи множество польских словечек. И это нормально, хотя в доме отца мало говорили по-польски. А вот профессор Маклеод – уроженец Эдинбурга, а сейчас живет на острове Скай. Однако его английский столь хорош, будто он и все его предки до десятого колена обитали в Лондоне.

– Вы полагаете, что он не тот, за кого себя выдает?

– Я почти уверен в этом.

– Что ж... – Мари Ле Блан хищно ухмыльнулась. – Баронесса, я думаю, вам не составит труда подробно расспросить профессора о красотах острова Скай?

– Ни малейшего.

– Мадемуазель Женевьева, ваша задача сложнее. Понадобится тот, кто сможет оценить достоверность рассказов профессора. Ну и, конечно, вам следует навести справки о нем, о его деятельности: выезжал ли он из своего поместья на острове, как часто, куда?

– Непременно, – кивнула молчаливая, как обычно, мадемуазель Киба.

В кабинет вошел Андре.

– Его высочество провел деловую беседу с инженером Волернуа, – с порога объявил он. – Представитель компании «Делоне-Бельвиль» привез с собой миллион франков, одобренный фирмой проект и пакет деловых предложений по строительству исследовательской подводной лодки. Одно из главных условий – полная секретность работ. В проекте уже предусмотрены чрезвычайно ценные новшества, а учитывая, что еще предвидится использование познаний

атлантов, Гаспар Делоне не желает, чтобы любая из стран использовала эти разработки для истребления себе подобных.

Его высочество велел предоставить месье Волернуа верфь и док, и выставить вокруг полицейское оцепление. Также его высочество объявил о создании фонда, и первым взносом стал тот самый миллион франков. Его высочество удвоил ставку... О, простите! Внес два миллиона. Полагаю, августейшие особы, прибытие которых ожидается со дня на день, тоже пожелают участвовать в этом грандиозном начинании, не говоря уже о менее заметных леди и джентльменах.

– А вот и куш. – Граф Тарло щелкнул пальцами. – Звон прекрасных слов сменился звонком благородного металла.

Тарло открыл крышку золотого «брегета», и тихий перезвон смешался с голосами посетителей кофейни, зашедших на чашечку утреннего кофе.

– Без трех минут двенадцать, – проговорил граф. – Через восемь минут они появятся. По Волернуа можно часы сверять. Ровно в полдень он со своим телохранителем выйдет из хранилища, банковский служащий закроет своим ключом ячейку, и через пять минут он выйдет из банка. Кстати, удалось ли что-нибудь о нем узнать?

– О нем – нет. Будто гриб, из-под земли вырос, – покачал головой Андре.

– Само по себе очень подозрительно.

– А вот насчет телохранителя кое-что есть. Настоящее имя его Яннис Ставраки, уроженец острова Корфу. Несколько лет тому назад выступал в цирке как греческий чемпион по французской борьбе. Впрочем, успехом не пользовался.

– Странно, кажется, все при нем.

– Да, вид у него устрашающий. Но техника слабая. Выступал под именем Ясона. Карьера закончилась довольно быстро. Во время схватки он имел дурное обыкновение впадать в ярость, и однажды едва не придушил своего противника. Того удалось откатать. За Ясона кто-то внес залог, его отпустили, а впоследствии и вовсе сняли обвинение.

– Можем догадаться, кто, – глядя на банковскую дверь, пробормотал Тарло. – Известно ли что-нибудь о его любви к стрельбе?

– Ничего.

– Странно, он носит на поясе два десятизарядных маузера. Оружие имеет много преимуществ перед обычным револьвером: у него мощный патрон и отменная дальнобойность. Однако палить сразу из двух таких пистолетов здесь некуда и, прямо сказать, довольно неудобно. Впрочем, при его силе...

Тяжелая входная дверь банка открылась. На крыльце возник как всегда элегантный инженер Волернуа с толстой папкой бумаг подмышкой. За ним в распахнутом летнем плаще вышагивал Яннис Ставраки. Поверх его жилетки красовалась толстая цепочка часов с многочисленными брелоками, а по бокам из деревянных кобур торчали рукояти маузеров. Он ступал весомо, из-под выпуклых надбровных дуг с подозрением глядя на фланирующую по бульвару публику. Телохранитель остановился у бордюра и поднял руку. К нему тут же подъехал экипаж, за которым пристроилась пара всадников стражи его высочества.

– Сейчас на верфь, – под нос себе пробормотал Тарло. – И если инженера не пригласят во дворец, ночевать он будет именно там.

– Верно, – подтвердил Андре.

– Затем у Ясона в полночь будет пробежка. Спустя час он вернется в док. А к девяти она снова будут в банке. Спустя примерно час Волернуа попросит чашку кофе. В полдень выйдет в кассовый зал и передаст клерку платежные документы и деньги. И так каждый день уже полторы недели.

Андре громко вздохнул.

– Что-то случилось?

– С утра я беседовал с мадам Ле Блан. А она разговаривала с его высочеством. Принц говорит, что мы зря обижаем подозрениями достойных людей. Они заняты полезным для княжества делом, и дальнейшая слежка за ними абсолютно нелепа.

– Если бы я был настоящим детективом, сказал бы что-то вроде: «сложнее всего раскрыть преступление, о наличии которого не знаешь».

– Вы уже это сказали, ваше сиятельство. Только что.

– К сожалению, это не делает меня настоящим сыщиком. Однако я продолжаю настаивать, преступление есть! – Граф встал из-за стола, бросил несколько франков и двинулся к выходу.

– Свежие новости! – слышалось с улицы. Мальчишка-газетчик, размахивая еще пахнущим типографской краской номером единственной в княжестве газеты, бежал по улице, выкрикивая во все горло: – Русалка жертвует на строительство подводного корабля триста золотых пиастров начала XVII века! В конце месяца сам государь Атлантиды приплывет для переговоров с людьми!

Андре взял номер и сунул мальчишке в ладонь монетку.

– Вот, сами извольте видеть. Никто ничего не пытается у нас забрать, только дают.

– Я видел утром, – кивнул Тарло. – Монеты явно подняты со дна с какого-нибудь затонувшего галеона.

– В чем же тут подвох?

Граф молча смотрел вслед удаляющемуся экипажу.

– Если не считать вашего убеждения, что русалок не бывает, все идет так, как должно идти, – наконец прервал он молчание. – Волернуа строит подводный корабль. Как и подряжался. Он работает с секретным проектом, не вынося его из хранилища банка. Это действительно самое безопасное, что можно придумать. Он заказывает необходимые механизмы и устройства по всей Европе. В банке я своими глазами видел платежные поручения. Эти устройства привозят на верфь. Это тоже логично.

– Профессор Маклеод изучает русалок, – продолжил его речь Андре. – Каждую ночь этот чудаки сидит у моря со своими диковинными аппаратами и слушает разговоры медуз.

– Что? – удивленно поглядел на него Тарло.

– Почаще разговаривайте со своей невестой, граф. Маклеод рассказывал ей, что прослушивает морские глубины на разных уровнях. Конечно, рыбы и медузы с крабами разговаривать не умеют. Дельфины издают звуки, но вполне определенные. И, как утверждает профессор, эти звуки – тоже речь, при помощи которой те общаются с атлантами. Но все остальные подводные звуки требуют изучения и истолкования. В них можно вычленишь связную речь атлантов! Ведь, право же слово, не разговаривают там, на морском дне, на французском.

– А кстати, интересно, откуда наша русалка его знает?

– Со временем выясним.

– Со временем выясним, – задумчиво повторил Тарло. – Продолжай.

– Ясон бегаёт по ночам, это тоже понятно. Ставраки профессиональный атлет и должен поддерживать себя в форме. Днем он занят, к тому же, пробежки его будут вызывать у местной публики нездоровый интерес.

– Будут, – по-прежнему задумчиво глядя вдаль, согласился граф. – Но получается, что посреди ночи, в самое опасное время, инженер Волернуа остается без охраны. Что странно.

– Вокруг дока – полицейское оцепление, – напомнил Андре.

– Это верно. Однако ночью пройти мимо него все же намного легче, чем днем, – в голосе Тарло вдруг зазвучало воодушевление.

– Вы что-то нащупали, ваше сиятельство?

– Все идет именно так, как должно идти. В этом и вся заковыка. А теперь скажи мне, вы ведь наблюдали за профессором?

– Да. Ночью это не просто, легко можно спугнуть. Однако издали наблюдали.

– Они встречались с Ясоном?

– Нет, ни разу, – покачал головой камердинер. – Хотя... – он замялся, – Яннис действительно разворачивается неподалеку от тех мест, где профессор слушает беседы русалок. Но там дальше мыс, бежать некуда.

– Хорошо, предположим. Что он делает там на мысу?

– Раздевается, упражняется со здоровенными камнями, затем снова одевается и бежит обратно.

– Красиво, черт возьми, красиво. – На лице графа появилась задорная улыбка. – А через некоторое время на эту же дорогу, неподалеку от мыса, вылезает профессор Маклеод?

– Да. Вы это видели?

– Нет. Я в это время обычно играю в карты. А теперь ответь мне на один маленький вопрос – почему господин профессор слушает подводные разговоры именно там? Почему не около гостиницы? Его балкон выходит к морю так же, как и мой.

– Понятия не имею.

– Я понял, в чем странность, Андре. В чем нелепость.

– В чем же?

– В ногах. Этот человек настолько хотел показать, что он шотландец, что нацепил килт. Однако при таком животе у профессора не может быть таких мускулистых ног. Это ноги игрока в лаун-теннис, фехтовальщика, но никак не толстяка-книжника. Лазать ночью по скалам – удовольствие не для всех. Ученый, да еще такой комплекции, воздержался бы от подобного развлечения. И еще – ему постоянно жарко. Знаешь, почему? Потому что никакого живота у него нет! Живот его из ваты! И рыжий парик с бакенбардами... И его английский...

– Ваше сиятельство, насилиу нашла вас! – Рядом с графом возникла запыхавшаяся мадемуазель Женевьева. – Алиса послала сказать, – профессор Маклеод уезжает.

– То есть, как уезжает?

– Уже отослал чемоданы на станцию, зашел попрощаться.

– Вот как? Значит, время опускать занавес. Андре, экипаж! Мы едем на вокзал. Женевьева, найди мадам Ле Блан! Пусть месье Волернуа вместе с Ясоном пригласят во дворец и под любым предлогом, и там продержат как можно дольше. В это время полиция должна проверить верфь и выяснить, что происходит в доке.

– Но что сказать мадам, если она спросит, чем все это вызвано?

– Скажи, что наш соперник намерен сорвать банк!

Начальник вокзала глядел на графа Тарло, изумленно открыв рот.

– Но я не имею права рыться в чужих вещах! Не имею права кого бы то ни было пускать к ним. Это незаконно!

– Позвольте, ваше сиятельство. – Андре отстранил своего господина, склонился к уху железнодорожного служащего и что-то прошептал ему.

Лицо того вытянулось, на нем появилось страдальческое выражение и скрепя сердце он выдал:

– Да, конечно. Как скажете. Однако повторяю, это совершенно незаконно. Я буду вынужден сообщить об этом.

– Непременно, – кивнул Андре. – Сообщите во всех деталях. А теперь пошли.

Понурившийся железнодорожник, глянул на ходики на стене, покачал головой и повел «гостей» в хранилище. Открыв дверь служебного помещения, он отстранился, давая пройти.

– Вы идете с нами, – негромко сказал Андре. – Иначе как вы будете докладывать?

Начальник станции со вздохом последовал внутрь хранилища.

– Где находятся приборы профессора Маклеода?

Тот указал на стопку чемоданов. Андре наугад снял одну из них, достал из кармана отмычку, ловко отпер замки и откинул крышку. Чемодан был забит пачками франков.

– Вот так вот... – тихо проговорил граф Тарло. – Вы видите это, месье?

Начальник ошарашено кивнул.

– Продолжай, Андре.

Через несколько минут среди чемоданов с приборами стояли три открытых, наполненных деньгами, а камердинер его сиятельства продолжал управляться с хитрыми замками.

– Позвольте, я вернусь в кабинет? – простонал ошеломленный железнодорожник. – Скоро будут подавать экспресс в Ниццу.

Граф кивнул.

– Нет, ну каковы ловкачи! – Тарло прищелкнул пальцами. – Они запустили русалку, о которой мы до сих пор так ничего и не выяснили, создали в княжестве ажиотаж, подключили газеты, учредили фонд, в который вложились чрезвычайно видные особы, и, внося миллион франков, получили возможность беспрепятственно работать в хранилище с документами. Bravo! Насколько я понимаю, этот Волернуа действительно инженер, но весьма узкого профиля – он специалист по сейфам. По три часа изо дня в день они потрошили банковские ячейки, абонированные фондом. После чего Ясон выносил деньги и драгоценности в карманах, нашитых сзади на жилетке.

Это старый шулерский прием. Когда один из игроков произносит кодовую фразу, к столу тут же подходит лакей, чтобы предложить играющим прохладительные напитки. Сзади в тайном кармане спрятан определенный набор карт. Дальше все зависит от ловкости рук – достать одни карты и убрать другие. Здесь все почти так же – никто не хотел связываться с таким детиной с парой маузеров на поясе. Он постоянно ходил в плаще, и все думали, что он скрывает под ним оружие. Однако наделе маузеры лишь декорация, – свободный плащ отлично маскировал пачки купюр на спине телохранителя.

А дальше, Андре, все обстояло так, как ты говорил. Когда во время пробежки Ясон, раздевшись, начинал упражняться с камнями, он попросту снимал набитую деньгами жилетку и прятал ее меж валунов. Там ждала его новая одежда, такого же цвета и покроя. Ее загодя туда клал профессор, он же затем прятал деньги в своих так называемых приборах.

Дверь хранилища открылась, и в полутемное помещение въехала тележка.

– Прощу извинить, месье, но кажется, это чемоданы профессора Маклеода. Их нужно доставить в вагон.

– Нет, – едва обернувшись, бросил Тарло. – И вот еще что – пришли сюда полицейского.

– Как скажете, – пожал плечами грузчик. – Шотландец будет в ярости, узнав, что вы копаетесь в его вещах!

– Об этом мы с ним непременно поговорим, – усмехнулся Тарло, открыв часы. – Времени мало. Передайка здешнему полицейскому, чтобы задержал профессора. В случае неповиновения может применять оружие.

– Это чей приказ?

– Его высочества, – ответил за хозяина камердинер. – Исполни!

– Как скажете, – равнодушно повторил грузчик, убирая из складского помещения тележку.

– О, а вот и золотые пиастры! – граф поднял увесистый мешочек из очередного вскрытого чемодана и тут же выронил его. – Проклятье!

– Что такое? – удивился Андре.

– Когда Маклеод приехал, его вещи перевозили две тележки. Количество чемоданов не изменилось. Но сейчас приехала только одна. Она приехала именно за деньгами! Все эти при-

боры – просто хлам, не стоящий и ста франков в базарный день. Это был не грузчик, это сам Маклеод, только уже без прежней маскировки! А может, и Абдурахман-паша, или как там его на самом деле! Стой здесь! Охраняй!

Тарло кинулся к двери, однако на забитом провожающими и отъезжающими перроне недавнего грузчика видно не было. Лишь у стены одиноко стояла пустая тележка.

– Проклятье, упустили!

Мари Ле Блан шагала по кабинету из угла в угол, громко стуча об пол неизменной тростью.

– Ну как же вы их упустили? – страдальчески глядя на нее, проговорил граф Тарло.

– Кто-то их предупредил. Вероятно, сам Маклеод.

– Но я же и вас предупредил заранее! Я же послал мадемуазель Женевьеву...

– Когда она прибежала сюда, я была во дворце и как раз получала выволочку от принца.

По его словам, мы занимаемся полной ерундой из-за того, что вашей невесте, граф, вздумалось ревновать к русалке. Когда его высочество меня отпустил, было слишком поздно. Ворвавшись в док, полиция увидела, как оттуда в море выходит подводная лодка. Кстати, граф, вы правы, среди оставшихся вещей действительно нашлась жилетка с карманами на спине.

– Значит, и тогда, в деле о розовом жемчуге, я видел перископ!

– Некрасивая история вышла, – не слушая графа, буркнула мадам Ле Блан. – Вся эта газетная шумиха, нелепая история с русалкой... Как только в нее вообще могли поверить?!

– Все было очевидно, и поэтому казалось вероятным. В результате неведомый хозяин подводной лодки бесплатно отремонтировал у нас субмарину и едва не увел все деньги из фонда!

– Кстати, спасибо, граф. Если бы не ваша прозорливость, княжество в один момент потеряло бы двадцать шесть с половиной миллионов франков. А уж позора было бы – до конца дней глаз не поднять. Да и сейчас толком не понятно, что делать.

– Полагаю, ничего. Деньги сохранены, русалка уплыла. Что мешает его высочеству открыть здесь первую в мире научную лабораторию по изучению морских глубин? Идея-то сама по себе была замечательная. Жаль уступить ее мошенникам.

– А что? – внезапно улыбнулась Мари Ле Блан. – Хорошая мысль. Сегодня же передам ваше предложение его высочеству.

Дело четвертое. Новые странствия Золотого руна

Граф Тарло отложил газету и прикрыл глаза.

– Вас что-то тревожит, ваше сиятельство? – заботливо спросил Андре.

Владимир покачал головой:

– Как говорят у нас в России, «суета сует и томление духа». Вот, Женестьева где-то раздобыла. – Он кивнул на статью в газете, обведенную карандашом. – Полюбопытствуй.

– «Гибель известной ныряльщицы, – вслух прочитал Андре. – Двенадцатого июня сего года в водах близ острова Палаван исчезла знаменитая ныряльщица за жемчугом Адела Джейбез Корбетт, двадцати трех лет отроду. Девушка была известна тем, что трижды выигрывала состязания по длительности и глубине погружения. И, как говорят родственники пропавшей ныряльщицы, готовилась к очередному выступлению. Невзирая на все старания, полиции и местным жителям обнаружить тело мисс Корбетт так и не удалось. Мэр города Пуэрто Принцесса с превеликим сожалением вынужден предположить, что волны навсегда сохранят тайну исчезновения несчастной девушки...» Жалко, утопла, бедняга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.